

Генеральная Ассамблея

Distr.: General
30 May 2001
Russian
Original: English/French/Spanish

Комиссия международного права**Пятьдесят третья сессия**

Женева, 23 апреля — 1 июня
и 2 июля — 10 августа 2001 года

**Четвертый доклад об односторонних актах государств,
подготовленный Специальным докладчиком г-ном Виктором
Родригесом Седеньо**

Содержание

	<i>Пункты</i>	<i>Стр.</i>
Введение	1–43	2
I. Классификация односторонних актов	44–100	11
II. Правила, касающиеся толкования односторонних актов	101–154	25
A. Замечания Специального докладчика	101–152	25
B. Проекты статей	153–154	39
Проект статьи (a)	154	40
Проект статьи (b)		

Введение*

1. Комиссия международного права рассматривала тему односторонних актов государств на своих 2624, 2628–2630 и 2633-м заседаниях в ходе пятьдесят второй сессии, состоявшейся 19 мая — 7 июня 2000 года.

2. В этот период Комиссия имела в своем распоряжении третий доклад Специального докладчика, в котором были представлены проекты статей и соответствующие комментарии к ним по различным главным образом связанным с подготовкой или формулированием односторонних актов вопросам этой темы, применительно к которым считалось возможным выработать нормы, общие для всех вышеуказанных актов, независимо от их материального содержания.

3. После обсуждения этого доклада Комиссия постановила направить в Редакционный комитет статьи 1–4 об определении одностороннего акта (статья 1); правоспособности государства формулировать односторонние акты (статья 2); лицах, правомочных совершать односторонние акты от имени государства (статья 3) и последующем подтверждении акта, совершенного лицом, не имеющим на то полномочия (статья 4). Тем не менее Редакционный комитет не смог начать рассмотрение этой темы.

4. Комиссия постановила также направить в Рабочую группу, которая должна была быть создана на этой сессии, текст статьи 5 об основаниях для недействительности, в котором идет речь о деликатном вопросе, заслуживающем, по мнению некоторых членов Комиссии, более тщательного изучения при одновременном рассмотрении вопроса, касающегося условий действительности одностороннего акта.

5. В этой связи следует напомнить, что некоторые члены в Рабочей группе указали, что «эта статья зависит от важнейшего положения об условиях действительности одностороннего акта», добавив, что «для изучения условий действительности одностороннего акта необходимо рассмотреть возможное материальное содержание акта, его законность по международному праву, вопрос об отсутствии пороков в волеизъявлении, требование о гласности волеизъявления и вопрос о наступлении последствий на международном уровне. Когда эти условия будут разграничены и детализированы, будет легче установить соответствующие нормы в отношении недействительности»¹.

6. С другой стороны, один из членов Комиссии отметил наличие связи с возможным положением об отзыве, поскольку при возможности отзыва государство было бы заинтересовано прибегать к этому методу вместо приведения причин недействительности, а случаи недействительности должны главным образом касаться безотзывных односторонних актов².

7. На этой сессии Комиссия создала Рабочую группу, которая, хотя и провела два предварительных заседания в ходе первой части сессии и

* Специальный докладчик выражает благодарность г-ну Николасу Герреро Пениче, работающему над докторской диссертацией в Институте высших международных исследований в Женеве, за помощь, оказанную в исследованиях, связанных с четвертым докладом.

¹ ILC (LII)/WG/UA/WP.1.

² См. Экономидес, A/CN.4/SR.2630.

рассмотрела некоторые аспекты этой темы, как об этом говорится в докладе, представленном Комиссией Генеральной Ассамблеи на ее пятьдесят пятой сессии, все же не смогла рассмотреть, как это предусматривалось, вопрос, касающийся недействительности односторонних актов³.

8. Различные представители в Шестом комитете Генеральной Ассамблеи высказали свои общие мнения по данной теме, отметив, в частности, что ее кодификация и прогрессивное развитие могут способствовать стабильности международных отношений⁴. В то же время указывалось, что, хотя практика государств и прецедентное право развиты весьма слабо, эта тема имеет крайне важное значение, и Комиссия должна уделить ей особое внимание⁵. Аналогичным образом отмечалось, что, несмотря на многоаспектность и сложность этой темы, этот вопрос очень подходит для изучения⁶. Тем не менее другие представители выразили сомнения относительно данной темы⁷. По мнению Специального докладчика и как указывает Фидлер: «...односторонние акты порождают возможность развития международного права, особенно регионального международного права, или предотвращения или ограничения формирования нового международного обычного права (протест). Посредством соответствующей практики государств односторонние акты могут изменять толкование существующих международных договоров и таким образом влиять на международное право и дополнять его. По этим причинам односторонние акты в значительной мере воздействуют на формирование нового права»⁸.

9. В настоящем четвертом докладе Специальный докладчик, учитывая комментарии членов Комиссии и представителей государств в Шестом комитете Генеральной Ассамблеи намеревается рассмотреть различные, в том числе носящие общий характер вопросы, которые отчасти дополняют первый доклад, представленный по данной теме, в котором, как известно, делалась попытка представить и делимитировать эту тему; и другие вопросы, рассматриваемые в развитие третьего доклада, в котором были представлены различные проекты статей и соответствующие комментарии к ним по аспектам, которые, по его мнению, могли бы служить предметом разработки общих норм.

10. Что касается общих аспектов темы, то, в первую очередь, рассматривается вопрос, который считается ключевым для изучения и разработки данной темы: классификация односторонних актов, которая должна предшествовать разработке норм, общих для различных категорий односторонних актов, что соответствует разнообразию таких актов и для чего учитывались определенные концепции, комментарии членов Комиссии и некоторых правительств, в частности в их ответах на вопросник, разработанный Комиссией в 1999 году.

³ *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятьдесят пятая сессия, Дополнение № 10 (A/55/10)*, пункты 620–622.

⁴ Нидерланды (A/C.6/55/SR.22).

⁵ Ливийская Арабская Джамахирия (там же).

⁶ Куба и Ливийская Арабская Джамахирия (там же и A/C.6/55/SR.24).

⁷ Япония (A/C.6/55/SR.23), Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии (A/C.6/55/SR.19) и Германия (там же).

⁸ Fiedler, Wilfried, "Unilateral Acts in International Law". In: Bernhard, Rudolf (ed.), *Encyclopedia of Public International Law* 7 (1984), pág. 522.

11. По мнению Специального докладчика, разбивка материальных односторонних актов по категориям, к которым могут применяться общие нормы, имеет основополагающее значение. Можно сказать, что нет никаких сомнений в том, что односторонние акты, если смотреть на них с материальной точки зрения, различны, особенно когда речь идет об их правовых последствиях. Хотя можно найти очень удачные работы, касающиеся этой концепции, которые облегчают изучение вопроса о материальных односторонних актах, приходится делать вывод о том, что не все авторы рассматривают ее с одинаковой точки зрения или приходят к одним и тем же заключениям, что не упрощает исследование этой темы, начатого Комиссией.

12. После рассмотрения различных материальных односторонних актов можно констатировать, что существуют аналогии, особенно в том, что касается их формирования. Однако, с другой стороны, можно также констатировать, что существуют значительные различия, особенно в плане их правовых последствий.

13. С другой стороны, односторонний акт государства в том смысле, в котором он представляет интерес для данного исследования, можно квалифицировать различным образом, что, как мы увидим позднее, еще больше затрудняет изучение данной темы и любую работу по кодификации и прогрессивному развитию.

14. В главе I настоящего доклада Специальный докладчик попытается надлежащим образом квалифицировать односторонние акты, чтобы можно было заложить основу для установления групп норм, применимых к различным категориям. Этой работе должно предшествовать определение подлинного критерия, который должен лежать в основе такой классификации, для чего в определенной мере надо будет рассмотреть материальные односторонние акты как с точки зрения их содержания, так и правовых последствий.

15. В главе II конкретно рассматривается важный аспект правовых актов в целом: толкование односторонних актов, которое должно быть предметом развернутого анализа, направленного на то, чтобы определить, применимы ли *mutatis mutandis* нормы Венской конвенции 1969 года к односторонним актам или они могут служить лишь поводом или ссылкой для разработки норм, применимых к этим актам; а также в данном случае определить, в какой мере могут рассматриваться эти нормы Венской конвенции, учитывая, что односторонние акты различаются по некоторым аспектам от договорных актов, рассматриваемых в упомянутой Конвенции, главным образом в части их разработки, их появления и порождаемых ими правовых последствий.

16. С другой стороны, необходимо определить, применимы ли нормы, касающиеся толкования, во всей их совокупности ко всем односторонним актам, независимо от их содержания и их правовых последствий, или, наоборот, их следует вырабатывать применительно к каждой категории этих актов.

17. Специальный докладчик представляет некоторые проекты статей, касающиеся толкования односторонних актов.

18. Далее рассматривается тема, касающаяся формулирования правового акта, наступления правовых последствий, их материализации и требований к

такому акту и его применимости, по которой также представляются на рассмотрение Комиссии некоторые проекты статей.

19. В заключение Специальный докладчик в очень предварительной форме исследует основания недействительности — вопрос, который привлек к себе внимание Комиссии и который Рабочую группу просили рассмотреть более тщательно с представлением нового проекта статьи⁹. По мнению некоторых членов, рассмотрению этого вопроса, как отмечалось выше, должно предшествовать рассмотрение условий действительности этих актов.

20. Хотя тема недействительности должна рассматриваться Рабочей группой, которую необходимо создать в этом году в Комиссии для рассмотрения именно этого вопроса, Специальный докладчик счел возможным в этой вводной части остановиться на режиме недействительности, а также на возможности выработки конкретных норм, связанных с условиями действительности, что, по его мнению, может способствовать ходу работы и обсуждений в указанной Рабочей группе¹⁰.

21. Ниже будут рассматриваться некоторые акты и поведение государств, которые, хотя и могут быть формально односторонними, заслуживают более пристального рассмотрения для того, чтобы можно было определить, могут ли они быть в числе односторонних актов, которые нас интересуют.

22. На прошлой сессии Комиссии некоторые члены¹¹ отметили важность и необходимость более глубокого рассмотрения вопроса о молчании и его связи с теми односторонними актами, которыми занимается Комиссия в настоящее время, что представляется интересным, а потому есть основание для того, чтобы вновь вкратце коснуться этого вопроса на данном этапе изучения этой темы.

23. Молчание имеет особую актуальность в контексте договорного права не только в связи с последствиями, которые оно может вызвать в этой сфере или в контексте этих отношений, но и в связи с некоторыми частными вопросами, такими, как, например, оговорки, как это прослеживается в пункте 5 статьи 20 Венской конвенции 1969 года о праве договоров, в котором в принципе принимается критерий согласия с оговоркой при отсутствии возражения по истечении определенного срока.

24. Молчание тесно связано с односторонними актами, как и признание и протест, однако должно отличаться от собственно правового акта в строгом смысле, представляющем интерес для Комиссии.

⁹ На своем 2633-м заседании 7 июня 2000 года Комиссия постановила, чтобы Рабочая группа по односторонним актам продолжила изучение статьи 5, представленной Специальным докладчиком.

¹⁰ Говоря в целом о статье 5, некоторые члены подчеркнули ее связь с необходимым положением, касающимся условий действительности одностороннего акта, которое пока еще не разработано. Было отмечено, что исследование условий, определяющих действительность односторонних актов, потребует изучения таких аспектов, как возможное материальное содержание акта, его законность с точки зрения международного права, отсутствие пороков в волеизъявлении, необходимость обеспечения гласности волеизъявления и создание последствий на международном уровне. Когда эти условия будут определены и подробно разработаны, будет проще сформулировать надлежащие нормы, регулирующие недействительность. (См. *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятьдесят пятая сессия, Дополнение № 10 (A/55/10, пункт 586).*)

25. Нет сомнения в том, что молчание является одной из форм волеизъявления государства, которое может порождать важные правовые последствия¹², хотя и неопределенной значимости¹³. Этот вопрос был прямо и тщательно рассмотрен в теории, а в юриспруденции, особенно в решениях Международного Суда, он рассматривался в рамках некоторых дел, таких, как дела о норвежских рыболовных судах, праве прохода по индейской территории, храме Прах Вихеар и о военной и полувоенной деятельности и о пограничных спорах на суше, островах и на море¹⁴.

26. Молчание не может рассматриваться, как уже указывалось, как самостоятельное волеизъявление, а скорее должно рассматриваться как ответное поведение. Молчание или бездействие должны рассматриваться применительно к ранее существовавшей или в данный момент существующей позиции другого субъекта¹⁵. Кроме того, молчание — не просто факт невыражения своего мнения, а скорее отсутствие реакции на поведение или позицию другой стороны¹⁶.

27. Правовой акт является результатом волеизъявления и, хотя молчание также, несомненно, является формой волеизъявления, связанной с предварительной осведомленностью¹⁷, оно не является правовым актом в том смысле, который представляет для нас интерес. В некоторых правовых системах молчание рассматривается не как правовой акт, а как волеизъявление¹⁸.

28. Молчание и согласие тесно связаны между собой. Согласие, как говорит МакГибон, «принимает форму молчания или отсутствия протеста в обстоятельствах, которые в целом требуют позитивной реакции, означающей

¹¹ Там же, пункты 584 и 585.

¹² Rodríguez Carrión, Alejandro. *Lecciones de Derecho Internacional Público* (Madrid, Tecnos, 1990), pág. 1173.

¹³ Заявление представителя Испании на Венской конференции, изложенное в Marcelo Kohen, *Possession contestée et souveraineté* (Paris, 1997), pág. 293.

¹⁴ В числе рассмотренных Международным Судом дел особенно выделяются дело о рыболовных судах (*Соединенное Королевство против Норвегии*), *C.I.J. Recueil 1951*, pág. 138, и дело *Temple Préah Vihear*, *C.I.J. Recueil 1962*.

¹⁵ Kohen, op. cit., pág. 293.

¹⁶ *Idem*.

¹⁷ В решениях Международного Суда молчание рассматривается скорее на основе волюнтаристской концепции, иными словами, с учетом предварительного условия осведомленности, как это было в случае с делом о норвежских рыболовных судах. *C.I.J. Recueil*, págs. 138 à 139; véase Johnson. *Acquisitive prescription in international law*. BYIL, 1950, pág. 347.

¹⁸ Правовая формула канонического права *qui tacet consentire videtur* фактически, например, не отражена в французском праве, в котором «молчание — это тишина, именно потому, что это молчание... это отсутствие любого заявления, даже рудиментарного; оно делает непостижимым волю хранящей молчание стороны и даже порождает сомнения относительно наличия у последней воли принимать решение». Cit de Bentz, Jacques. *Le silence comme manifestation de volonté*. RGDIP, 1963, pág. 46. Следует также отметить, что формула «кто ничего не говорит — соглашается», не является правовым принципом, применимым во всех обстоятельствах, в которых субъект воздерживается от реакции на поведение другого. К тому же это не полный перевод фразы “*qui tacet consentire videtur si loqui debuisset ac potuisset*”, упомянутой Международным Судом по делу “*Temple de Préah Vihear* (*C.I.J. Recueil 1962*, pág. 23)”, citado por Kohen, op. cit., pág. 293.

возражение»¹⁹. В отношении правовых последствий молчания интересно отметить, что, если, принося протест, государство намеревается прекратить претензии другого государства, то в результате молчания может возникнуть обязательство не утверждать более то или иное право или не оспаривать более законности существующей ситуации, особенно если какая-то ранее существующая норма придает молчанию такое значение.

29. Согласие может также проявляться активно, путем молчания или активно и путем молчания. По делу об арбитражном решении, вынесенном королем Испании в 1960 году, Международный Суд заключил, что Никарагуа не имеет оснований для утверждения недействительности этого решения не только в силу позитивных актов согласия, но и потому, что она не заявила королю Испании возражение относительно ведения им арбитража²⁰. Поведение государства учитывалось также при рассмотрении дела *Templo Préal Vihéar*, когда Суд рассмотрел поведение сиамских властей и пришел к выводу о том, что отсутствие реакции с их стороны составляло согласие²¹. При рассмотрении дела *Minquiers y Ecréhos* Суд признал суверенитет Соединенного Королевства над Минкиерсом не только исходя из актов, которые указывали на определенное признание этого суверенитета со стороны Франции, но и по той причине, что Франция не сделала оговорки к дипломатической ноте, которые включали бы эти острова²². И наконец, существует дело *Islas de Palmas*, в котором отсутствие протеста равнозначно, по мнению единственного арбитра Макса Губера, согласию²³, как и в деле *Pesquerías*²⁴.

30. Молчание может быть средством согласия с законным утверждением или существующей ситуацией или признания их, однако эта форма бездействия или реагирования вряд ли может быть средством выражения обещания. Отсутствие протеста, т.е. молчание, может иметь решающее значение в узаконивании какой-то конкретной ситуации или правового утверждения, хотя представляется ясным, что молчание само по себе не означает никакого признания; принесение протеста необходимо лишь тогда, когда, в зависимости от ситуации, о которой идет речь, от государства можно ожидать, что оно займет ту или иную позицию²⁵.

31. И наконец, молчание имеет неоспоримую правовую актуальность как одна из форм поведения в отношениях между субъектами международного

¹⁹ MacGibbon. The scope of Acquiescence in International Law. The British Yearbook of International Law, 1954, pág. 143.

²⁰ C.I.J. Recueil 1960, pág. 209.

²¹ Суд учел различные позитивные акты при формировании своего мнения относительно согласия. C.I.J. Recueil 1962, págs. 25 y 27. См. также дела *Lubeck c. Mecklenburg-Schwerin*, *Annual Digest of Public International Law Cases*. 1925–1926; *la frontera Venezuela-Colombia*, UNRIAA, vol. I, pág. 280; *Isla de Palmas*, ibíd., vol. II, pág. 868; *Acuerdo aéreo entre Francia y Estados Unidos*, ibíd., vol. XVIII; *Pesquerías (Reino Unido c. Noruega)*, C.I.J. Recueil 1951, pág. 139; *Minquiers y Ecréhos*, C.I.J. Recueil 1953, págs. 47 y ss; *Derecho de paso en territorio indo (Portugal c. India)*; C.I.J. Recueil 1960; *Actividades militares y paramilitares en y contra Nicaragua (Nicaragua c. Estados Unidos de América)*, C.I.J. Recueil 1984, págs. 408 a 410.

²² C.I.J. Recueil 1953, pág. 71.

²³ UNRIAA, vol. II, pág. 868.

²⁴ C.I.J. Recueil 1951, pág. 139.

²⁵ Ссылка на арбитражное решение Макса Губера от 4 апреля 1928 года по делу *Isla de Palmas*. AJ. 22 (1928), 880. Цитируется в Verdross, Alfred. *Derecho Internacional Público* (Madrid, Aguilar, 1967), pág. 103.

права, однако не означает, что его можно определить как правовой акт в том смысле, в котором он рассматривается Комиссией; иными словами, в качестве прямого изъяснения независимой воли, предназначенного для порождения правовых последствий применительно к третьим государствам, которые не участвовали в его формулировании.

32. Было также отмечено, что не следует отказываться от рассмотрения эстоппеля, который был уже прокомментирован в предыдущих докладах, и его связи с исследованием односторонних актов. Эта связь будет в свое время надлежащим образом прокомментирована, поскольку, хотя, разумеется, речь идет о разных вопросах, акты, которые порождают эстоппель, являются по своей форме односторонними и могут в какой-то момент быть приняты за односторонние акты, о которых идет речь в предпринятом Комиссией исследовании, особенно ввиду того, что государство-автор могло бы обязываться в результате этого акта принимать тот или иной курс поведения.

33. И наконец, в данном введении представляется уместным вкратце коснуться толковательных заявлений и односторонних актов, связанных с международной ответственностью, особенно односторонних актов, связанных с принятием контрмер потерпевшим государством или потерпевшими государствами в соответствии с проектами статей, в настоящее время дорабатываемыми Комиссией.

34. С формальной точки зрения толковательные заявления являются, несомненно, односторонними актами, которыми государство-автор или государства-авторы подразумевают конкретизировать или уточнить значение или сферу действия, которыми они наделяют тот или иной договор или определенные его положения, как отражено в проекте общего положения 1.2, рассмотренного Комиссией в 2000 году. Односторонние толковательные заявления обычно делаются в рамках договорных отношений. Толковательные заявления «действуют в рамках правового механизма, доминантой которого является структура отношений, базирующихся на консенсусе. Именно поэтому принимаемое толковательное заявление может вести к действительной правовой договоренности между договаривающейся стороной, делающей такое заявление, и договаривающейся стороной, принимающей его»²⁶.

35. В то время как толковательные заявления в широком смысле должны делаться в рамках договорных отношений, поскольку они связаны с ранее существующим текстом или соглашением, толковательные заявления, в которых государство-автор или государства-авторы берут на себя односторонние обязательства, «выходящие за рамки тех, которые налагаются на него договором», и находящиеся, по определению Комиссии, «вне рамок Руководства по практике», могут квалифицироваться как односторонние акты в том смысле, в котором они рассматриваются Комиссией. Если толковательное заявление делается тем или иным государством в отношении договора или одно из его положений включает обязательства, выходящие за рамки тех, которые предусмотрены в этом договоре, то такое заявление отражает материальную независимость, которая исключает его из договорного отношения, несмотря на связь, которую оно может иметь с текстом договора и

²⁶ Sapienza, Rosario. Les déclarations interprétatives unilatérales et l'interprétation des traités. RGDI, 1999, vol. 3, pág. 621.

которая ясно устанавливает то или иное двустороннее отношение с другим государством или другими государствами. В частности, такие заявления, по нашему мнению, будут подпадать под правовой режим, отличающийся от режима Венской конвенции 1969 года; иными словами, они будут подпадать под конкретный режим, касающийся односторонних актов. В итоге речь идет о независимых односторонних актах, которые порождают последствия сами по себе применительно к одному или более государствам, которые не участвовали в их формулировании.

36. И в контексте международной ответственности государств можно видеть формально односторонние акты и поведение государств, которые мы рассматриваем ниже, с тем чтобы определить их связь с представляющими для нас интерес на данном этапе односторонними актами государств, вопрос о которой ставился Специальным докладчиком ранее в его третьем докладе.

37. Прежде всего, в этом контексте есть не всегда активные по своему характеру акты или поведение, которыми государство нарушает международное обязательство перед другим государством или международным сообществом в целом. Такие акты, действия или бездействие, разумеется, являются односторонними актами с формальной точки зрения, но они необязательно являются правовыми актами по определению таких актов *lato sensu*, которое базируется на волеизъявлении с намерением породить конкретные правовые последствия.

38. По нашему мнению, крайне необходимо ограничить рамки определения рассматриваемых здесь односторонних актов. Односторонние акты, обсуждаемые Комиссией, должны рассматриваться ограничительным образом. Проект следует ограничить по сфере охвата актами, прямо сформулированными с конкретным намерением породить правовые последствия независимым образом на международном уровне; это в значительной мере отражает определение классических материальных односторонних актов, хотя нельзя игнорировать разнообразие таких актов и трудность их характеристики. Такое ограничение, несомненно, будет способствовать рассмотрению данной темы и позволит избежать неразберихи с режимами, которые могли бы на каком-то этапе применяться к этим актам. Понятие одностороннего правового акта должно ограничиваться определением правового акта в общем смысле, хотя и можно согласиться с тем, что это не является единственным поведением государства, которое имеет правовые последствия на международном уровне. Правонарушение, квазидоговор или простой акт могут также иметь подобные последствия. Нет сомнений в том, что «в то время как такое поведение ведет лишь к применению существующей нормы, правовой акт порождает новую норму»²⁷.

39. В контексте международной ответственности государств можно видеть, что контрмеры, которые сами по себе являются противоправными деяниями, разрешены по международному праву как средство реагирования на нарушение того или иного международного обязательства и обеспечения прекращения нарушения или компенсации за него. Как говорится в проектах статей об ответственности государств, которые в настоящее время рассматриваются Комиссией, особенно в проектах статей 23 и 50–55, государство может

²⁷ Jacque, Jean Paul. *Eléments une théorie de l'acte juridique* (Paris, LGDJ, 1972), pág. 8.

принимать контрмеры против другого государства, которое предположительно несет ответственность за международно-противоправное деяние, «чтобы побудить это государство выполнить свои обязательства». Общая логика контрмер, как отмечали Комбако и Сюр «является частью диалектики односторонних актов поведения»²⁸. Не пытаясь давать определенного ответа, поскольку Комиссия все еще рассматривает этот вопрос, представляется интересным попытаться определить, следует ли подобные акты рассматривать в контексте договорных отношений и должны ли они подпадать под существующий режим, установленный в Венских конвенциях, или они могут рассматриваться как имеющие место вне этого контекста, а поэтому подпадают под нормы, касающиеся односторонних актов в их строгом смысле.

40. Государство может принимать различные виды контрмер: акты, меры и поведение, представляющие собой односторонние меры, которые не обязательно носят характер правовых.

41. Односторонний акт в виде контрмеры может быть договорным актом, несмотря на его несомненный односторонний характер, как в случае денонсации или приостановления действия договора государством, которое считает, что другое государство нарушило свои международные обязательства по нему. Аналогичным образом предположительно потерпевшее государство может принять режим или внутригосударственный закон, применимые к его отношениям с государством, которое предположительно не выполнило свои обязательства в отношении первого государства, как в случае, например, принятия Никарагуа внутренних законов, в частности закона № 325 от 7 декабря 1999 года, вводившего налоги на товары и услуги из Гондураса или Колумбии²⁹. Это фактически является односторонним по форме внутриправовым актом, который сам по себе порождает правовые последствия на международном уровне и сроки действия которого будут зависеть от последующей позиции Гондураса в отношении вышеупомянутого договора, подписанного 2 августа 1986 года и действующего с 1999 года. Этот акт, хотя и односторонний и автономный в том смысле, что он порождает последствия сам по себе на международном уровне, не квалифицировался бы в качестве одностороннего акта в строгом смысле, поскольку, по нашему мнению, он не

²⁸ Combacau y Sur. *Droit International Public* (Paris, Montchrestien, 1993), pág. 213.

²⁹ В ноябре 1999 года Никарагуа просила Центральноамериканский суд:

«объявить, что принятие и ратификация договора о делимитации морских границ между Гондурасом и Государством Колумбия нарушат правовые документы, регулирующие региональную интеграцию; b) определить наличие международной ответственности Республики Гондурас и компенсацию, которую ей придется предоставить Республике Никарагуа и институциональной системе Центральной Америки; c) немедленно принять временные меры в отношении Государства Гондурас, настоятельно призвав его воздерживаться от принятия и/или ратификации вышеупомянутого договора о делимитации морских границ... до тех пор, пока не будут гарантированы суверенные интересы Государства Никарагуа применительно к его морским районам, патримониальные интересы Центральной Америки и высшие интересы региональных организаций Центральной Америки...».

Суд, со своей стороны, счел приемлемым заявление Никарагуа и в целях защиты прав сторон постановил в качестве временной меры, чтобы «Гондурас приостановил ратификационную процедуру и последующие процедуры, предназначенные для вступления в силу договора о делимитации морских границ, подписанного 2 августа 1986 года».

представляет собой прямого волеизъявления, которым должны характеризоваться такие односторонние акты, которые рассматриваются здесь, как об этом несколько раз отмечалось.

42. По самой своей природе односторонние акты, посредством которых то или иное государство применяет контрмеры в отношении другого государства, должны быть исключены из сферы охвата данного исследования односторонних актов. Такие акты, которые являются односторонними с формальной точки зрения и иногда правовыми актами, когда они не являются действиями или иным поведением, обязательно связаны с ранее существующим обязательством, иными словами, с предшествующей договоренностью, которую последнее государство предположительно нарушило. Следует подчеркнуть, что это является

«нормой, возникающей в результате нарушения первичной нормы: когда государство нарушает международное обязательство, ему должно быть известно, что оно тем самым дает право другому государству реагировать путем принятия такой меры, которая, в иных обстоятельствах, была бы запрещена по международному праву, но противоправность которой исключается ввиду того факта, что эта мера принимается в ответ на акт, сам по себе противоречащий международному праву»³⁰.

В заключение мы отмечаем, что такие акты нельзя рассматривать как независимые, а поэтому они должны находиться вне контекста договорных отношений³¹.

43. Хотя может считаться, что толковательные заявления, выходящие за рамки условий того или иного договора, могут быть включены в число рассматриваемых здесь односторонних актов, молчание и односторонние акты, сопряженные с контрмерами, должны быть вынесены за рамки этого контекста, во-первых, потому что они являются реакцией, что означает, что они не обладают достаточной автономией, и, во-вторых, потому что они не являются актами, прямо сформулированными с намерением породить конкретные правовые последствия.

I. Классификация односторонних актов

44. Как уже отмечалось, ясно, что представляется возможным установить общие нормы для односторонних актов в том смысле, как они понимаются Комиссией и как они отражены в проекте статьи 1. Эти общие нормы включают нормы, которые касаются формулирования таких актов, их формальных аспектов, таких, как определение и правомочность государств и их представителей, и общих условий действительности и причин недействительности, которые являются элементами, общими для всех

³⁰ Weil, Prosper. *Cours général de droit international public*. RCADI, 1992, vol. VI, tomo 237, págs. 358–359.

³¹ Вместе с тем важно подчеркнуть, что ответственность влечет за собой новые правовые отношения, как указывается в проекте комментария к международной ответственности (ILC (LIII)/SR/CRD.1, pág. 1), что могло бы навести на мысль о том, что речь идет об автономных и независимых актах.

правовых актов, каковой бы ни была их природа, иными словами как договорных, так и односторонних актов.

45. Ясно также и то — и это подчеркивалось в Комиссии, — что не всегда представляется возможным установить общие нормы, применимые ко всем односторонним актам, если будет сделан вывод о том, что фактически мы имеем дело с большим разнообразием таких актов. Как обычно признается в теории³², хотя односторонние акты имеют или могут иметь значительные сходные черты, особенно с точки зрения формы, они имеют и значительные различия по своему содержанию и правовым последствиям, как об этом можно сделать вывод из изучения классических материальных односторонних актов, таких, как обещания, признание и отказ.

46. В Шестом комитете Генеральной Ассамблеи некоторые члены соглашались с тем, что проекты статей следует строить вокруг различия между общими нормами, применимыми ко всем односторонним актам, и конкретными нормами, применимыми к отдельным категориям таких актов³³, как это было предложено в Комиссии некоторыми членами и Специальным докладчиком.

47. Нет никаких сомнений, что всем актам свойственен общий формальный элемент: волеизъявление, прямое по своему характеру, либо индивидуальное, либо коллективное по своему происхождению, которое порождает последствия само по себе. Речь идет о группе таких актов правового характера, которые формулируются одним или несколькими субъектами, начинают действовать и могут порождать последствия с этого момента и вызывают правовые последствия независимо от согласия или последующих шагов другого государства; это ясно отражено в проекте статьи 1 об определении таких актов, который был рассмотрен Комиссией и по которому, как представляется, наблюдается общее согласие.

48. Упор на форму этого акта говорит о возможности разработки общих норм, применимых ко всем из них, независимо от их материального аспекта; проекты статей о формулировании актов представляют собой попытку достичь этой цели. Вместе с тем, учитывая разнообразие материальных односторонних актов и невозможность установления норм, общих для всех из них, мы должны попытаться классифицировать их, с тем чтобы сгруппировать нормы, применимые к каждой из этих категорий или групп актов, если мы желаем продвинуться вперед в нашей работе.

49. До начала этой работы, которая, как мы увидим, требует хотя бы краткого обращения к вопросу о различных материальных односторонних актах, мы должны установить критерии, которые следует закладывать в основу любой категоризации рассматриваемых нами односторонних актов: односторонние правовые акты в строгом понятии этого термина³⁴. Это исключает поведение и

³² В этой связи профессора Комбако и Сюр (op. cit., nota 28) указывают, что «хотя они (односторонние акты) не упоминаются в статье 38 Статута Суда, они также многочисленны, как и разнообразны, и их важность представляется значительной».

³³ См. заявления Аргентины (A/C.6/55/SR.20), Кубы (A/C.6/55/SR.24), Румынии (A/C.6/55/SR.23) и Франции (A/C.6/55/SR.18).

³⁴ Пастор Ридруэхо, говоря об одностороннем поведении государства, справедливо отмечает, что «под общим термином «одностороннее поведение государства» мы имеем в виду три предположительных отличающихся друг от друга составных: первое — собственно

позиции, которые, хотя и имеют несомненное значение по международному праву, должны быть исключены как предмет рассмотрения; к их числу относятся молчание как волеизъявление и позиции и действия, которые, при их способности порождать правовые последствия, не подпадают под категорию интересующих нас актов, таких, как, например, признание или отказ на основе имплицитных и определенных актов и другие фактические акты, такие, как оккупация, которые имеют историческую важность.

50. Как мы уже заявляли, теоретические разработки различных аспектов темы односторонних актов государств, и в частности вопроса об их классификации, не только многочисленны и обширны, но и разнообразны. Некоторые авторы предлагают весьма интересные мнения и группируют вместе как односторонние акты в целом, так и материальные односторонние акты на основе различных критериев, некоторые из которых могут быть полезны в усилиях по созданию действительной системы классификаций и заслуживают особого упоминания в настоящем докладе в целях облегчения процесса изучения данной темы, особенно вне рамок Комиссии. Как указывается ниже, некоторые авторы справедливо отмечают, что в теории обычно упоминаются признание, протест, отказ и уведомление, т.е. такой перечень, в котором смешиваются форма и содержание или существо и процедура³⁵.

51. Некоторые из классических авторов занимались этим вопросом и пришли к интересным и полезным выводам. Пфлюгер, Бискоттини и Вентурини предлагают общие классификации, которые, будучи важными с точки зрения теории, не являются в полной мере применимыми в работе Комиссии, упор в которой делается на кодификации и прогрессивном развитии норм, способных регулировать конкретную категорию правовых актов.

52. Пфлюгер проводит различие между формальными и неформальными актами; нас интересует именно вторая группа, поскольку ее совершенствование не требует определенной формы. Таким образом, если мы примем данную классификацию, то чистым односторонним актом был бы неформальный акт. Пфлюгер также ссылается на условные, отзывные, безусловные и безотзывные односторонние акты и на автономные и зависимые односторонние акты, первый из которых соответствует так называемым «чисто односторонним» актам³⁶.

53. В исследовании односторонних актов, проведенном Вентурини, речь идет о позициях и поведении государств, которые могут порождать правовые последствия на международном уровне. Что касается односторонних актов как таковых, то он утверждает, что «представляется несомненным, что разнообразная природа и правовая основа односторонних актов требуют классификации и реконструкции различных типов актов, с тем чтобы охарактеризовать их последствия». В своем анализе автор не использует классификации, которые, по его мнению, не имеют актуального значения в контексте его исследования, и проводит различие между *negozi giuridici* и актами *stricto sensu*, а также утверждает, что различие между автономными

односторонние акты...» *Curso de Derecho Internacional y Organizaciones Internacionales* (Madrid. Tecnos, 1996), pág. 168.

³⁵ Combacau, Jean y Sur, Serge, op.cit., pág. 94.

³⁶ Pfluger, F. *Die einseltigen Rechtsgeschäfte im Völkerrecht* (Zürich, 1936), pág. 64.

актами и теми актами, которые зависят от других актов, следует рассматривать «на основе общих принципов и что, с точки зрения последствий, представлялось бы возможным исследовать добровольные односторонние акты государств, разделив их на три группы: а) волеизъявления (*negozi giuridici*); b) заявления, не относящиеся к волеизъявлениям; и с) и добровольные акции».

54. В контексте актов, сопряженных с волеизъявлением, Вентурини ссылается на обещание и отказ, отзыв, денонсацию и объявление войны³⁷, иными словами, ведет речь о классификации, основанной на материальном критерии или содержании акта. Ссылка на отзыв представляет интерес и указывает на необходимость рассмотреть этот акт как таковой. Как мы увидим ниже, необходимо проводить различие между отзывом одностороннего акта и классификацией такого акта исходя из того, представляет ли он собой зависимый односторонний акт, иными словами, подпадает ли он под категорию односторонних актов или под сферу договорных отношений, что определит применимые нормы.

55. Бискоттини предлагает классификацию, основанную на очень полезном критерии правовых последствий в международно-правовой системе. Акты, в которых воля играет независимую роль, и акты, которые связаны с другими факторами и в которых воля не играет независимой роли³⁸. Данная классификация основывается на критерии, аналогичном тому, которым пользуется Сюи, проводящий различие между актами конститутивными, экстинтивными, транслятивными и декларативными³⁹, не обращаясь при этом к содержанию или материальному аспекту, хотя он глубоко анализирует их в своей работе по данному вопросу.

56. Другие авторы рассматривают этот вопрос также по-иному, что отражает трудность установления действительных критериев. К примеру, Руссо проводит различие между прямо выраженными и молчаливыми актами. Второй включает акты, которые устанавливают условия (уведомление), акты, которые создают обязательства (обещание и признание), акты, которые подтверждают права (протест), и акты, на основе которых от прав отказываются (отказ). К актам второй категории этот автор относит молчание, которое в некоторых случаях равнозначно молчаливому согласию⁴⁰. Наибольший интерес в этой классификации вызывает включение авторов актов, на основе которых принимаются обязательства, и актов, в результате которых права приобретаются, в единую категорию: категорию прямо выраженных актов, включая уведомление, которое, как мы упоминали, не является как таковым правовым актом. Как отмечали Комбако и Сюр, уведомление является «письменной процедурой, формальным аспектом акта, которым

³⁷ Venturini, G. *Attitudes et actes unilatéraux des Etats*. RCADI, 1964, vol. II, tomo 112, págs. 414 y ss.

³⁸ Biscottini, *Contributo a la teoria degli atti unilaterali nel diritto internazionale* (Milano, 1951), págs. 18 a 24.

³⁹ Suy, E. *Les actes juridiques unilatéraux en droit international public* (Paris, LGDJ, 1962), pág. 42.

⁴⁰ Rousseau, Charles. *Droit international public, tome I: Introduction et sources* (Paris, Siney, 1970), p. 421.

соответствующим третьим сторонам сообщается о документе, могущем иметь любое содержание, включая признание»⁴¹.

57. Другие авторы выступают за аналогичные критерии. Ремиро Бротонс классифицирует акты на основе их цели: признание, отказ, обещание⁴², в чем его мнение совпадает с мнением Дайллиера и Пелле, которые указывают, что «материальная классификация наиболее полезна», добавляя, что «в целом главными категориями являются: уведомление, признание, протест, отказ, обещание»⁴³.

58. Вердросс, полагаясь более на материальный критерий содержания акта, нежели на его последствия, подразделяет акты на независимые, односторонние правовые акты (уведомление, признание, протест, отказ и обещание); зависимые международно-правовые акты (предложение и согласие, оговорка и признание юрисдикции Международного Суда), и, наконец, правовые акты, связанные с конкретными комбинированными ситуациями (оккупация, дереликция и *negotiorum gestio*)⁴⁴.

59. Некоторые авторы представляют более общие классификации, что не делает их менее интересными. Скубишевски, к примеру, представляет нам акт как документ (декларация и нотификация) и акт, рассматриваемый с точки зрения его содержания и его последствий (признание, протест, обещание и отказ)⁴⁵. Хотя в действительности он сосредоточивает свое внимание на материальной классификации.

60. Дюпюи, прибегая к критерию последствий, говорит, что «такие различных видов акты обычно рассматриваются с точки зрения их совершенно разнообразных последствий. В частности, они могут быть дифференцированы исходя из того, связаны ли они с применимостью правовой ситуации, осуществлением суверенных прав или созданием правовых обязательств»⁴⁶.

61. Другие авторы также используют в качестве критерия правовые последствия, к примеру, Жак проводит различие между актами, которые создают обязательства для их автора, актами, посредством которых государство отказывается от какого-то права, и актами, посредством которых государство подтверждает существование своих прав⁴⁷. Во всех трех группах он ссылается на две категории актов: актов, посредством которых принимаются обязательства, и актов, посредством которых подтверждаются права или правовые позиции. Если считать обоснованным критерий правовых последствий, то акты, посредством которых государство-автор отказывается от какого-то права, могут подпадать под первую категорию актов; так, Регальди проводит различие «между односторонними правовыми актами, которые могут создавать права для третьих сторон и обязательства для их автора, и актами, которые могут создавать обязательства для третьих сторон. Первые являются «строгим» односторонними; их автономность неоспорима. Вторые являются

⁴¹ Op.cit., pág. 94.

⁴² Remiro Brotons, Antonio. *Derecho internacional* (Madrid, 1997), McGraw-Hill, pág. 175.

⁴³ Daillier et Pellet, *Droit international public* (Paris, LGDJ, 1999), pág. 358.

⁴⁴ Verdross, Alfred, op.cit., págs. 103 y 104.

⁴⁵ Skubiszewski, K. Les actes unilatéraux des Etats. *Droit International: Bilan et perspectives* (Paris, Pédone, 1991), p. 235.

⁴⁶ Dupuy, Jean-Marie. *Droit international public* (Paris, Dalloz, 1995), p. 267.

⁴⁷ Jacque, Jean-Paul. *Eléments pour une théorie de l'acte juridique en droit international* (Paris, LGDJ, 1972), p. 336.

«зависимыми» от других актов... (см. Вентурини: *La portée et les effets juridiques des attitudes et des actes unilatéraux de Etats*, RCADI-1964/II)»⁴⁸.

62. Действительные критерии для системы классификации невозможно установить лишь на теоретической основе. В этой связи большое значение имеют также мнения правительств. Их ответы на вопросник, подготовленный Комиссией в 1999 году, и их заявления в Шестом комитете Генеральной Ассамблеи указывают на разнообразность критериев, на которых могла бы строиться классификация односторонних актов.

63. Правительство Италии, отвечая на подготовленный Комиссией в 1999 году вопросник, заявило, что имеются три категории односторонних актов:

а) односторонние акты, указывающие на возможность ссылки на правовую ситуацию. К этой категории принадлежат признание, протест и отказ. Эти три вида актов требуют явного выражения согласия для обеспечения определенности и безопасности в международных отношениях;

б) односторонние акты, которые порождают юридические обязательства. Эта категория включает в себя обещание, акт, посредством которого государства обязуются придерживаться или не придерживаться определенного поведения. Обещание имеет значимость лишь, если государство, которое его сделало, действительно намерено обязать себя таким способом. Однако сложно обеспечить наличие реальной готовности брать на себя обязательства;

с) односторонние акты, необходимые для осуществления суверенного права. Такие акты осуществляются в порядке реализации полномочий государствами в соответствии с международным правом (делимитация территориальных вод или исключительной экономической зоны, предоставление гражданства, регистрация судна, объявление войны или нейтралитета)⁴⁹.

64. В свою очередь, правительство Аргентины отметило, что: «необходимо провести ясное различие между четырьмя традиционными видами односторонних актов: обещанием, отказом, признанием и протестом. Представляется очевидным, что они имеют общие элементы, однако Комиссия должна осознавать, что каждый из них может также обладать собственными характерными чертами, которые надлежит правильно определить и изучить в ходе ее будущей работы»⁵⁰.

65. Правительство Сальвадора без классификации указывает на наиболее, по его мнению, важные акты: уведомление, признание, протест, отказ, одностороннее обещание, декларация, призыв, резолюция⁵¹. Правительство Грузии также указывает, что этими актами являются декларация, прокламация и уведомление, что аналогично материальному критерию.

⁴⁸ Rigaldies, Francis. Contribution a l'étude de l'acte juridique unilatéral en droit international public, pág. 425.

⁴⁹ A/CN.4/511, глава II, Общие комментарии, ответ Италии.

⁵⁰ Там же, ответы на вопрос № 4, ответ Аргентины.

⁵¹ Там же, ответ Сальвадора.

66. Правительство Нидерландов считает, что материальная классификация не имеет значения, и в этой связи заявляет, что «содержание односторонних заявлений не ограничивается определенными категориями вопросов. В связи с этим Нидерланды считают, что содержание заявления по своему значению вторично с точки зрения цели порождения правовых последствий. Большей актуальностью обладают формальные критерии, такие, как однозначность заявления и объективное намерение порождения правовых последствий, т.е. намерение, которое может быть объективно продемонстрировано»⁵².

67. Хотя выработка интересующей нас классификации односторонних актов может на поверку оказаться чисто научным изысканием, сама классификация имеет в данном случае очень актуальное практическое значение, поскольку она служила бы основой установления групп норм, применимых к различным категориям.

68. Рассмотренные теоретические взгляды и мнения правительств в отношении классификации свидетельствуют о том, что, хотя критерии могут быть различными, в преобладающей степени существует согласие в отношении наиболее важных материальных односторонних актов, которые считаются классическими. Нам придется обратиться к ним, по крайней мере вкратце, с тем чтобы попытаться выявить аналогии и различия между ними в целях группирования их по конкретным категориям.

69. Возникают различные проблемы, когда приходится основывать классификацию на материальных актах, прежде всего ввиду невозможности констатировать, что не существует никаких односторонних актов помимо так называемых «классических» односторонних актов в дополнение к актам, уже упомянутым в предложенных классификациях; некоторые авторы говорят об иных актах, которые они считают односторонними, к примеру, Фидлер заявляет, что «особое место среди различных видов односторонних актов занимают такие практические шаги... в том числе, к примеру, признание, протест, отказ, уведомление и иногда согласие и отзыв». Он добавляет, что «с другой стороны, значительно труднее классифицировать односторонние акты, именуемые декларацией, заверениями, обещаниями, *promesses unilatérales de garantie* или *promesse-confirmation*, или именуемые как то иначе. Многочисленность терминов, которые употребляются или были предложены к употреблению в этой области, скорее мешает, нежели помогает отыскать удовлетворяющую типологию»⁵³.

70. На деле нельзя сбрасывать со счетов возможность существования других односторонних актов, отличных от так называемых «классических» актов, которым уделяется внимание в международной доктрине, подобных уже упомянутым, включая протест, отказ, признание, и одностороннее обещание. И в то же время, как представляется, не просто определить односторонний акт государства и охарактеризовать его как конкретный вид материального акта, поскольку тот же самый акт может быть определен по-разному, как мы это увидим ниже.

71. Ранее упомянутое разнообразие делает невозможным составление ограничительного перечня односторонних актов с материальной точки зрения,

⁵² Там же, ответ Нидерландов.

⁵³ Fedler, *op.cit.*, nota 8, pág. 518.

и это в значительной мере затрудняет группирование норм. В дополнение к классическим актам, о которых уже шла речь, есть односторонние объявления нейтралитета и войны и негативные гарантии безопасности в контексте ядерного разоружения, и, хотя они различны, они могут напоминать такие классические акты, как обещание или отказ в первом случае, признание или обещание — во втором и обещание или отказ — в третьем.

72. Определение также является одним из важных вопросов, которые необходимо рассмотреть для того, чтобы иметь возможность создать классификацию на основе иного, нежели материальный, критерия. Теория и международное прецедентное право в целом определяют заявление Ихлена как международное обещание⁵⁴, хотя оно могло бы рассматриваться также и как признание или отказ при анализе его содержания в контексте используемых в нем определений. Так, к примеру, мы отмечаем ссылку на акт, содержащий обещание, когда правительство Норвегии в своем контрмеморандуме заявило, что «г-н Ихлен явно никогда не желал обещать согласие норвежского правительства на эту политику прекращения...»⁵⁵. Постоянная Палата Международного Правосудия пришла к такому же мнению, отметив, что заявлением Ихлена правительство Норвегии не оспаривало бы претензий Дании, давая обещание «не создавать никаких трудностей», хотя последствия этого заявления возникли в рамках договорных отношений. Однако это заявление может также рассматриваться как признание. Заявлением Ихлена Норвегия признала существование факта с правовым последствием и объявила о своем желании считать признанную правовую ситуацию законной, что, как представляется, нашло отражение в решении Постоянной Палаты Международного Правосудия от 5 апреля 1933 года, в котором она заявляет, что: «если таково было мнение правительства Дании до, в ходе и после подачи этих заявлений Державам, то его действия по обращению к ним таким образом, каким это было сделано, должны были, безусловно, быть рассчитаны на то, чтобы обеспечить, чтобы эти Державы приняли точку зрения правительства Дании, а именно его мнение о том, что суверенитет уже существовал над всей Гренландией, а не на то, чтобы убедить их согласиться распространить его теперь на ту часть Гренландии, которая ранее не находилась под суверенитетом Дании. Его цель состояла в том, чтобы обеспечить, чтобы эти Державы не попытались сами завладеть никакой неколонизированной частью Гренландии. Метод достижения этой цели состоял в том, чтобы добиться, чтобы Державы признали существующее положение вещей»⁵⁶.

73. Заявление Ихлена рассматривалось и в теории. Коэн, рассматривая формы поведения государств, в частности односторонние декларации, которыми государства выражают свое формальное согласие с ситуацией или правовым доводом, говорит, что «нагляднейшим примером этого вида одностороннего формального согласия являлось заявление Ихлена. Суд... не следовал толкованию Дании, в результате чего ответ г-на Ихлена составлял признание суверенитета Дании»⁵⁷. Большой частью в теоретических работах заявление

⁵⁴ Гарнер считает заявление Ихлена обещанием, хотя он добавляет, что его следует рассматривать как составной элемент соглашения. Garner, J. The binding force of unilateral declarations, AJIL, 1933, pág. 493. Citado en Suy, op.cit., pág. 109.

⁵⁵ Contramemoria del Gobierno de Noruega, P-556.

⁵⁶ C.I.J. Recueil, série A/B. No. 53, pp. 43–44.

⁵⁷ Kohen, op.cit., pág. 280.

Ихлена рассматривается как акт признания. Карро, к примеру, говорит, что «из-за формального признания Норвегией претензий Дании на Гренландию впоследствии нельзя было пересмотреть этот односторонний акт и отвергнуть его правовые последствия»⁵⁸. Однако в дополнение к акту признания посредством этого одностороннего заявления Норвегия обязалась не создавать никаких затруднений и не выступать с какими бы то ни было будущими претензиями, что соответствует определению обещания как классического материального одностороннего акта.

74. Кроме того, обещание, т.е. акт, посредством которого дающее его государство берет на себя обязательство вести себя определенным образом в будущем, схоже с объявлением о нейтралитете, что является, несомненно, односторонним актом с формальной точки зрения и может быть односторонним актом в том смысле, который представляет для нас интерес⁵⁹.

75. В случае объявления о нейтралитете Австрией, которое некоторые считают односторонним, другие рассматривают как договорное⁶⁰ и которое отражено в конституции 1955 года, можно отметить, что в меморандуме от 15 апреля 1955 года, подписанном делегациями Австрии и Советского Союза⁶¹, Австрия обязалась а) сделать объявление в такой форме, которая обязала бы Австрию в международно-правовом отношении вечно соблюдать нейтралитет такого типа, которого придерживается Швейцария; б) представить заявление в парламент Австрии для принятия решения сразу же после ратификации Государственного договора с Австрией; с) предпринять все соответствующие шаги для получения международного признания заявления, подтвержденного парламентом Австрии; d) приветствовать гарантию четырех великих держав

⁵⁸ Carreau, Dominique, *Droit International* (Paris, Pédone, 1988), pág. 209.

⁵⁹ Не все авторы соглашаются с тем, что объявление о нейтралитете является односторонним актом. Рейтер, к примеру, считает, что объявления о нейтралитете, сделанные Бельгией (договоры 1831 года и 1839 года), Люксембургом (договор 1867 года), Швейцарией (акт от 20 ноября 1815 года), Австрией (1955 год) и Лаосом (1962 год), представляют собой декларации в договорной форме. Reuter, Paul. *Droit international public* (Paris, PUF, 1970), pág. 470.

⁶⁰ Объявление, сделанное Австрией, вызвало различную реакцию со стороны государств. Некоторые согласились с ним посредством молчания, другие, к примеру четыре великие державы, сделали это посредством прямо выраженных актов признания. Что касается вопроса о том, является ли объявление о нейтралитете односторонним обещанием или отдельным правовым актом, то в теоретических работах он трактуется по-разному. Фидлер говорит, что «провозглашение вечного нейтралитета Австрии в Федеральном конституционном акте от 26 октября 1955 года характеризовалось как одностороннее обещание» (Fiedler, op. cit., pág. 518). Согласно Комбако и Сюри, некоторые эти декларации носят односторонний характер, подобно заявлению Австрии, в то время как другие являются — договорными, подобно объявлению о нейтралитете Швейцарией. Согласие с односторонним актом, по мнению Земанека, необходимо, когда он сказывается на интересах других государств: «в этом случае они нуждаются в согласии или, по крайней мере, признании, чтобы получить законную силу», указывал он, касаясь ноты, направленной 6 ноября 1990 года правительством Австрии четырем сторонам, подписавшим Государственный договор 1995 года: Франции, Соединенному Королевству, Соединенным Штатам и Советскому Союзу, на которую правительства этих стран ответили, что они согласны с позицией Австрии.

⁶¹ По-прежнему остается нерешенным вопрос о том, составляет ли данный меморандум соглашение между сторонами или отражает его, учитывая тот факт, что он был подписан главами делегаций.

неприкосновенности и целостности государственной территории Австрии; е) обратиться за получением такой гарантии.

76. Независимо от определения, которое можно было бы дать декларации, что является вопросом субъективного толкования, интересно определить правовые последствия одностороннего акта, и здесь мы обратимся в некоторой степени к классическим материальным односторонним актам, с тем чтобы иметь возможность выявить аналогии и различия между ними, опять же с целью попытаться сформировать группы норм, применяемых к обоим упомянутым категориям.

77. Односторонние акты порождают прямые правовые последствия в отношении их адресата. Вместе с тем, такие акты могут также порождать опосредованные правовые последствия, наподобие тех, которые способствуют формированию или подтверждению наличия обычных норм или формированию общих принципов права.

78. Все упомянутые акты в том контексте, который представляет для нас интерес, формулируются⁶² посредством односторонних деклараций, будь то индивидуальных или коллективных по своему происхождению, и эти декларации в том, что касается условий их действительности, должны облекаться в определенные формы; нормы применяются ко всем из них, независимо от их содержания или материальной классификации. Обещание, отказ, признание, протест или любой другой акт формулируются через волеизъявление с намерением порождения правовых последствий, и именно эти последствия носят различный характер. Разумеется, как уже несколько раз указывалось, другие волеизъявления, отдельные от правового акта *stricto sensu*, могут порождать правовые последствия, однако они не входят в сферу охвата исследования таких актов, которое предпринято Комиссией.

79. Посредством обещания государство-автор берет на себя то или иное обязательство. Теория в этом отношении ясна, как и ясны ссылки международных судов. Обещание является односторонней декларацией, которой государство обязуется вести себя определенным образом в отношении другого государства или государств, не обуславливая это поведение какой бы то ни было взаимностью со стороны бенефициара обещания⁶³. Это «односторонний правовой акт, посредством которого государство обязуется вести себя определенным образом в отношении других»⁶⁴.

80. Рассмотрение обещаний в теоретических работах, в отличие от так называемых «классических» материальных актов, относится к более позднему периоду, и, пожалуй, как говорит, цитируя Кодри и Сюи, Жак, «представляется невозможным привести примеры односторонних обещаний, сделанных до Лиги Наций; они рассматривались как договорные акты»⁶⁵.

81. Международные суды рассматривали обещание как правовой акт в различных случаях, и в числе этих случаев, в частности, ввиду того, что они недавние и являются предметом интересной теоретической дискуссии, мы

⁶² Combacau y Sur, op.cit., pág. 96.

⁶³ Rodríguez Carrión, op.cit., pág. 172.

⁶⁴ Rigaldies, Francis, art.cit., pág. 426. Verdross, A., op.cit., pág. 104.

⁶⁵ Jacque, Jan-Paul. A propos de la promesse unilatérale, en *Mélanges offerts à Paul Reuter, le droit international: unité et diversité*, pág. 327.

отмечаем такие, которые связаны с заявлениями в контексте дела о ядерных испытаниях, в отношении которого Международный Суд указал, что обещание может обязывать его автора при условии, что оно было дано публично и что намерение его автора было ясным; этот тезис далее развивается судьей Де Кастро в его особом мнении, когда он говорит, что «есть различие между обещанием, которое порождает моральное обязательство (даже когда это подкрепляется присягой или словом чести), и обещанием, которое обязывает обещающего с правовой точки зрения». Кроме того, Суд конкретно отметил, что обещание, порождающее правовое обязательство, будет представлять собой строго односторонний акт без взаимности в любой форме, согласия, ответа или реакции⁶⁶.

82. Правовое последствие обещания состоит в создании новых прав в пользу третьей стороны и, разумеется, обязательств для государства-автора; в отличие от других односторонних актов, «которые касаются существующих фактов или действий, обещание (или заверение) создает новые права в интересах третьих сторон»⁶⁷.

83. Что касается односторонних обещаний, то здесь следует отметить односторонние заявления, сделанные некоторыми европейскими государствами в отношении защиты меньшинств, и заявления о признании обязательной юрисдикции Международного Суда⁶⁸, хотя некоторые считают, что эти заявления не являются чисто односторонними актами, поскольку они должны формулироваться в рамках договорных отношений, что представляется приемлемым; однако этот вопрос в данном докладе не рассматривается, поскольку он был предметом анализа в предыдущих докладах.

84. Когда речь идет об актах, посредством которых государство берет на себя обязательства в одностороннем порядке, мы не можем ссылаться исключительно на обещания, поскольку государство может брать на себя односторонние обязательства посредством других в равной степени односторонних актов в том смысле, в каком это нас интересует. В более широком смысле эта категория должна охватывать другие акты, независимо от их материальной классификации или содержания, такие, например, как отмена, признание, объявление о нейтралитете и другие акты, посредством которых государство берет на себя односторонние обязательства, что совпадает с мнением одного из представителей в Шестом комитете, который заявил, что «заслуживает внимания предложение о том, чтобы начать изучение конкретных категорий односторонних актов с рассмотрения тех актов, которые создают обязательства для совершающих их государств, хотя есть сомнения относительно того, стоит ли ограничивать эту категорию обещаниями»⁶⁹.

85. Государство, которое совершает акт, может в одностороннем порядке брать на себя обязательства в отношении одного или более государств в любом случае его адресатов не только посредством обещания. Обещание ведет к принятию односторонних обязательств «хотя и не является единственным

⁶⁶ C.I.J. *Recueil* 1974, pág. 374. Citado en Rigaldies, F., art.cit., págs. 427 a 428.

⁶⁷ Daillier y Pellet. *Droit international public* (Paris, LGDJ, 1999), pág. 359.

⁶⁸ Balladore-Pallieri. *Diritto internazionale pubblico*, págs. 295 a 298, citado en Suy, op.cit., pág. 110.

⁶⁹ Выступление представителя Финляндии от имени стран Северной Европы (A/C.6/55/SR.19, пункт 36).

односторонним актом, который порождает обязательства»⁷⁰. Другие материальные акты на деле имеют такие же правовые последствия в том смысле, что посредством таких актов государство, их совершающее, берущим на себя такие обязательства, как признание или отказ.

86. Путем отказа, «который ведет к лишению права, поскольку не предусматривает его передачу другим субъектам»⁷¹, государство отказывается от права или от претензии, однако одновременно берет или принимает на себя обязательство. Правовые последствия, которые возникают в результате одностороннего акта отказа, выражаются в обязательстве государства «не оспаривать прав, приобретаемых другим государством в результате такого отказа»⁷².

87. Кроме того, чтобы не выходить слишком далеко за рамки данной темы, следует напомнить, что отказ, как это установлено в международном прецедентном праве⁷³, должен быть четко выраженным и, следовательно, не может предполагаться⁷⁴. Вместе с тем, как было отмечено в решении арбитражного суда при рассмотрении дела Кэмпбелла, «если признать наличие подразумеваемого отказа, то он должен строиться на фактах, которые не допускают другого толкования»⁷⁵. Судья Бадесван в ходе публичных слушаний 26 апреля 1932 года в Постоянной Палате при рассмотрении дела о свободных зонах Верхней Савойи заявил о том, «что в отношении подразумеваемого отказа принципиально важно то, что нельзя легко подразумевать наличие отказа от какого-либо права; для того чтобы можно было рассматривать вопрос от отказа, необходимо было ссылаться на не вызывающие сомнения акты, предполагающие, что в момент, когда существовала заинтересованность или практическая возможность заявить о своем праве выхода, Франция добровольно отказалась от использования этой возможности, и что такой акт воздержания подразумевал намерение осуществить отказ... Только таким образом, в соответствии с принципами права, можно было бы установить факт отказа... Однако до 1919 года Франция никогда не имела практической возможности эффективно воспользоваться своим правом выхода из договоров периода 1815–1816 годов»⁷⁶.

88. Как известно, отказ может быть воплощен в договоре; это, в силу своего характера, не входит в сферу изучения данной темы. Фактически, «если отказ предусмотрен в договоре, он теряет свой односторонний характер, поскольку его последствия зависят от вступления договора в силу, т.е. от воли другой договаривающейся стороны или сторон. Отказ не является односторонним и тогда, когда он связан с отказом от требования, права, компетенции или

⁷⁰ Srubiszewski, op.cit., nota 45, pág. 241.

⁷¹ Venturini, op.cit., pág. 414.

⁷² Cahier, Philippe. Поведение государств как источников прав и обязательств. *Recueil d'Etudes de droit international en hommage à Paul Guggenheim*. Pp: 247–248. IHEI. Genève, 1968.

⁷³ Дела кронпринца Густава Адольфа и норвежской задолженности, цитируемые в Skubiszewski, op.cit., pág. 342.

⁷⁴ Дело «Лотус», *C.I.J. Recueil 1927, série A*. No. 10, pág. 17.

⁷⁵ Арбитражное решение от 10 июня 1931 года (UNRIIAA, vol. II, pág. 1556, citado en Kohen, op.cit., pág. 357).

⁷⁶ Цитируется по Kiss, *Répertoire Français de droit international public*, tome I, 1962, pág. 644.

полномочий в пользу другого государству или государств: в этом случае это вновь становится договорной сделкой»⁷⁷.

89. Что касается последствий отказа, которые ряд авторов сравнивает с обещанием или рассматривает одного из видов обещания⁷⁸, «то здесь следует учитывать, что это равносильно отказу от права, в отличие от обещания, которое представляет собой лишь осуществление прерогативы. Поэтому неправильно ссылаться на отказ от территориального суверенитета. Обязательство отказаться от территории в пользу другого суверенного государства вытекает не из отказа, а из обещания или принятия предложения»⁷⁹.

90. Правовые акты, содержащие отказ, могут быть признаны действительными в международной практике, о чем свидетельствуют решения международных судов. В качестве примера можно привести дело Франции против Швейцарии⁸⁰ относительно свободных зон Верхней Савойи и района Текс, когда Франция формально заняла позицию, в соответствии с которой отказ как односторонний акт в международном праве имел юридически обязательную силу для отказывающегося государства⁸¹.

91. Посредством признания государство может также брать на себя односторонние обязательства — обязательства, которые могут считаться самостоятельными или независимыми, если есть условия, при которых они возникают или формулируются. Признание, выраженное прямо или косвенно, также может считаться актом с точки зрения своих юридических последствий в отношении которых государство берет на себя одностороннее обязательство; мы, естественно, ссылаемся на четко выраженное признание, которое формулируется посредством одностороннего акта и рассматривается в интересующем нас строгом смысле. Посредством признания⁸² государство соглашается с фактическим положением дел, с правовой претензией, компетенцией или полномочиями⁸³ и тем самым берет на себя в некоторой степени обязательство вести себя определенным образом. Посредством признания государство-автор «констатирует существование определенных фактов ... или определенных правовых актов ... и признает, что они могут быть применимы по отношению к нему»⁸⁴. Признание — «это процедура, посредством которой субъект международного права, в частности государство, которое не принимало участия в создании ситуации или в составлении правового документа, признает, что такая ситуация или документ могут быть использованы против него или, иными словами, признает, что юридические

⁷⁷ Skubiszewski, K, op.cit. pág. 229.

⁷⁸ Miaja de la Muela, A. *Los actors unilaterales*, pág. 461. Citado en Quadri, R.

⁷⁹ Quadri, op.cit., nota 78, págs. 575 y 576.

⁸⁰ *Recueil P.C.I.J. 1932, série A/B. No. 46.*

⁸¹ Рубин, Международно-правовые последствия односторонних заявлений, AJIL, vol. 71, 1977, pág. 14.

⁸² Большинство авторов рассматривается как наиболее важный односторонний акт. Skubiszewski, K., op. cit., pág. 238; Daillier y Pellet, op. cit., pág. 358. Verdross y Simma, *Universelles Völkerrecht: Theorie und Praxis* (Berlin, 1976), pág. 427.

⁸³ Skubiszewski, op. cit., pág. 241.

⁸⁴ Daillier y Pellet, op.cit. pág. 358.

последствия ситуации или документа применимы к нему. Признание представляет собой односторонний акт»⁸⁵.

92. Как отмечает Оппенхайм, «в широком смысле этого слова признание предполагает принятие государством любого факта или ситуации, имеющих место в его отношениях с другими государствами ... Признание представляет собой акт международного плана, затрагивающий взаимные права и обязательства государств и их статус или правоспособность в целом ... Признание со стороны государства представляет собой односторонний акт, затрагивающий в основном двусторонние отношения ...»⁸⁶.

93. В правовой практике довольно часто встречаются случаи признания государств, правительств, государственного нейтралитета, статуса восставшей стороны или состояния войны. Здесь следует также отметить заявление Египта от 24 апреля 1957 года, которое породило различные мнения в отношении доктрины, касающейся его одностороннего характера⁸⁷ и в котором признается юридическая сила Константинопольской конвенции 1888 года о Суэцком канале. В качестве примера недавней практики можно привести заявление Европейского сообщества (ЕС) от 16 декабря 1991 года, озаглавленное «Руководящие принципы признания новых государств Восточной Европы и бывшего Советского Союза», в котором была сформулирована общая позиция в отношении процесса признания новых государств. ЕС приняло заявление относительно

⁸⁵ Dallier y Pellet, op.cit. pág. 550.

⁸⁶ *Oppenheim's International Law*, 9th ed., vol. I (London, Longman, 1992), Sir Robert Jennings and Sir Arthur Watts, eds., pags. 127, 128 y 130.

⁸⁷ Заявление правительства Египта было зарегистрировано в Секретариате Организации Объединенных Наций (Naciones Unidas, *Recueil des Traités*, vol. 265, pág. 299), однако оно не относится к международным договорам.

Югославии, в котором Сообщество и государства-члены признали те бывшие югославские республики, которые отвечали определенным условиям⁸⁸. Необходимо также напомнить о признании Италией заявления Мальты о нейтралитете от 15 мая 1980 года⁸⁹.

94. В отличие от признания в случае протеста государство не берет на себя обязательства в одностороннем порядке, а скорее препятствует формированию права, титула или правовой позиции. Совершающее акт государство ни в коей мере не принимает на себя никакого обязательства. Наоборот, совершающее акт государство стремится подтвердить право, не позволяя другому государству его приобрести.

95. Протест представляет собой классический материальный акт, который может быть реализован либо посредством поведения или неопровержимых действий⁹⁰, либо посредством правового акта в том смысле, в каком это указывается в определении, содержащемся в проекте статьи 1, рассмотренном Комиссией в ходе прошлой сессии. Акт протеста — это односторонний акт, посредством которого субъект права проявляет свое намерение не рассматривать в качестве законного данное положение вещей и намеревается таким образом защитить свои нарушенные или поставленные под угрозу права⁹¹. Правовые последствия протеста подразумевают, «что оспариваемое состояние дел уже не вызывает возражений у выступившего с протестом государства, которое может продолжать отстаивать свои собственные права»⁹². Согласно Оппенхайму, «протест представляет собой официальное сообщение одного государства в адрес другого о том, что оно выступает против акта, совершенного или предполагаемого последним. Государство может заявить протест в отношении актов, о которых оно было поставлено в известность или о которых узнало иным образом. Акт протеста в основном преследует цель сохранения прав или дает понять, что протестующее государство не признает определенные акты или не соглашается с ними; однако он не аннулирует акта, в отношении которого поступает жалоба»⁹³.

96. На практике заявления, представляющие собой акты протеста, встречаются довольно часто и, таким образом, довольно подробно рассмотрены в международном и прецедентном праве. Среди прочего можно отметить рассматривавшееся арбитражным судом Чамисала дело о споре между Соединенными Штатами Америки и Мексикой⁹⁴, декреты о национальности в споре между Тунисом и Марокко⁹⁵ и дело об островах Менкье и Экрихос⁹⁶.

⁸⁸ Véase *British YearBook of International Law*, vol. 62, 1991, págs. 559 a 660.

⁸⁹ *International Legal Materials*, 1982, pág. 396.

⁹⁰ Флюгер, цитируемый Сюи (op. cit. pág. 51), говорит о линиях поведения, прямых или косвенных, явно выраженных или подразумеваемых и эксплицитных или имплицитных. Так, например, он относит к имплицитным актам (протеста) иск в суде, разрыв отношений и объявление войны.

⁹¹ Suy, op. cit., pág. 48.

⁹² Ibid., pág. 80.

⁹³ Oppenheim, op.cit., nota 86, pág 1194.

⁹⁴ Решение от 15 июня 1911 года, *AJIL*, vol. 5, 1911, págs. 785 a 833.

⁹⁵ Консультативное заключение, *Recueil P.C.I.J. 1923*, série B. No. 4.

⁹⁶ Франция против Соединенного Королевства, *C.I.J. Recueil 1953*.

97. После такого краткого рассмотрения ряда правовых односторонних актов напрашивается вывод о том, что их можно разделить на две большие категории на основании их правовых последствий, позволяющих включить их в структуру проекта статей, который будет представлен в будущем: акты, посредством которых государство берет на себя обязательства, и акты, посредством которых государство подтверждает свое право; первые акты будут включены в первую часть проекта в качестве группы, в отношении которой можно будет выработать общие правила.

98. Общая часть, связанная с формулированием, может стать общей для всех видов актов: ее можно оставить без изменения, дополнить или усовершенствовать, разделив проект статей на три части: общий раздел; первая часть, касающаяся актов, посредством которых государство берет на себя обязательства; и вторая часть, которая содержит правила, касающиеся актов, посредством которых государство подтверждает свое правовую позицию или претензию.

99. Специальный докладчик предлагает, как предлагала сама Комиссия и представители Шестого комитета, сконцентрировать внимание на первой части, а правила, касающиеся второй категории актов, рассмотреть позднее.

100. Что касается толкования, которое обсуждается ниже, то Специальный докладчик представит общий обзор этого вопроса и его связи с односторонними актами в целом, а затем сделает выводы относительно всех таких актов.

II. Правила, касающиеся толкования односторонних актов

A. Замечания Специального докладчика

101. В ходе дискуссии, которая состоялась в Комиссии в 2000 году, был сделан вывод о возможности разработки общих правил применительно к определенным вопросам, касающимся односторонних актов, но не в отношении всех их аспектов, что привело к проведению ранее классификации односторонних актов, на основе которой Комиссией будет разработан проект статей по этой теме. В этой связи общий вопрос о толковании правовых актов будет рассматриваться с особым упором на односторонние акты, с тем чтобы представить Комиссии на рассмотрение проект статей по этой теме. В практике государств, как это отражено в прецедентном праве международных судов, часто можно отметить возникновение споров относительно толкования или применения текста договора, будь то двусторонний или многосторонний договор, или толкования одностороннего акта, независимо от того, идет ли речь об акте в рамках договорного контекста или же о самостоятельном одностороннем акте.

102. Любая попытка разработки конкретных правил толкования, применимых к односторонним актам, предполагает выяснение двух вопросов, которые, по нашему мнению, являются основополагающими: во-первых, могут ли правила толкования Венской конвенции 1969 года быть применимы *mutatis mutandis* к односторонним актам или быть использованы в качестве имеющей силу ссылки для разработки правил в этой области, и во-вторых, возможно ли, в любом случае, разработать общие правила применительно ко всем

односторонним актам, или наоборот, следует разработать отдельные правила, применимые к каждой категории односторонних актов.

103. В своих ответах на вопросник, подготовленный Комиссией, некоторые правительства, например Финляндии, Италии и Нидерландов, высказались за применение к односторонним актам по аналогии правил толкования, содержащихся в статьях 31–33 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года⁹⁷.

104. Другие правительства проявили бóльшую осторожность. Так, правительство Израиля указало, что «процесс определения одностороннего акта как акта, который порождает правовые последствия, по сути является деятельностью по толкованию намерения государства, которое совершает односторонний акт. Именно по причине затруднительности установления подлинного намерения государства следует применять строгие нормы толкования, с тем чтобы определить, порождает ли тот или иной односторонний акт правовые последствия. В этой связи потребность подвергнуть односторонний акт добросовестному толкованию согласно его обычному значению в соответствии с положениями статьи 31 Венской конвенции о праве международных договоров является важным, хотя и недостаточным составным элементом процесса толкования. Кроме того, как указывалось в проекте статьи 2 второго доклада об односторонних актах государств, односторонний правовой акт должен быть однозначным и автономным изъяснением воли, формулируемым публично и направленным в ясно выраженных положениях адресату акта. В этом контексте следует подчеркнуть, что непринятие жестких стандартов толкования, по нашему мнению, не только подорвало бы эффективность правового режима, регулирующего односторонние акты, но и поставило бы государства в безвыходное положение, неся угрозу присвоить правовые последствия односторонним актам, которые не были рассчитаны на подобные последствия»⁹⁸.

105. Со своей стороны, правительство Австрии подчеркнуло, что «в 1998 году в деле о юрисдикции над рыбными промыслами (*Испания против Канады*) Международный Суд счел режим, касающийся толкования односторонних заявлений по статье 36 Статута Суда, не идентичным режиму, установленному для толкования договоров Венской конвенции о праве международных договоров. Суд отметил, что положения Конвенции могут применяться лишь по аналогии в той степени, в какой это согласуется с особым характером одностороннего признания юрисдикции Суда. Суд далее разъяснил, что он будет толковать соответствующие слова такого заявления, включая оговорку, содержащуюся в нем, обычным и разумным способом, должным образом учитывая намерения соответствующего государства в момент, когда оно признало обязательную юрисдикцию Суда. Кроме того, намерение соответствующего государства может быть выведено не только из текста соответствующей клаузулы, но и из контекста, в котором эта клаузула должна толковаться, и из анализа доказательств, касающихся обстоятельств ее подготовки и предполагаемых целей. Поэтому, что касается толкования этих односторонних актов, то представляется, что Суд придает гораздо более

⁹⁷ A/CN.4/511, ответы на вопрос 7, Финляндия, Италия и Нидерланды.

⁹⁸ Там же, ответ Израиля.

важное значение с точки зрения толкования субъективному элементу, чем это было бы допустимо нормами «объективного» толкования договора согласно статьям 31 и 32 Венской конвенции о праве международных договоров. По-прежнему не совсем ясно, насколько может использоваться этот субъективный элемент и применима ли или в каком объеме применима ли аналогичная аргументация к другим категориям односторонних актов»⁹⁹.

106. По мнению правительства Аргентины, «одной областью, в которой необходимо провести различие между нормами права договоров и нормами, применимыми к односторонним актам, является толкование односторонних актов. Как было указано Международным Судом, по делам о ядерных испытаниях, когда то или иное государство делает декларацию, ограничивающую свою будущую свободу действий, необходимо ограничительное толкование. Это положение является просто сопутствующим широко известному решению Постоянной палаты Международного Правосудия по делу «Лотус» относительно того, что ограничения суверенитета государства нельзя презюмировать. Как при любом одностороннем правовом акте, намерение автора акта (в этом случае государства или, сказать точнее, органа государства) играет принципиальную роль. В отношении этого необходимо учитывать один решающий элемент, а именно обстоятельства вокруг этого акта; иными словами, контекст, в котором этот акт совершается, может определять его толкование»¹⁰⁰.

107. Посредством толкования судья стремится определить намерение государства — участника конвенционного акта или государства, совершающего односторонний акт; с этой целью текст документа или термины заявления имеют преимущество над любыми другими источниками. Толкование, как известно, это «попытка установить смысл нормы права, договора, заявления, решения суда и т.п.»¹⁰¹. Речь идет о позитивной деятельности с конкретной целью определить «волеизъявление сторон на основании текста»¹⁰²; последний термин не ограничивается конвенционными актами, но его следует рассматривать как применимый к заявлениям, сформулированным как устно, так и в письменном виде. В конечном итоге речь идет об «интеллектуальном действии», цель которого — установить смысл правового акта, определить его сферу применения и прояснить неясные или двусмысленные аспекты»¹⁰³.

108. Для рассмотрения вопроса о толковании и применимых правилах необходимо сначала провести различие между конвенционными и односторонними актами как с формальной, так и с материально-правовой точки зрения¹⁰⁴, поскольку именно это позволит нам рассмотреть возможность

⁹⁹ Там же, ответ Австрии.

¹⁰⁰ Там же, ответ Аргентины.

¹⁰¹ Basdevant, J., *Dictionnaire de la terminologie du droit international* (Paris, Sirey, 1960), págs. 346 a 347. Para Grotius, «Степень правильного толкования представляет собой ссылку на намерение на основе более вероятных показателей». In *De jure belli ac pacis* (Book 2, chap. 16), cf: *Encyclopedia of Public International Law*, vol. 2 (Amsterdam, Elsevier, 1995), pág. 1418.

¹⁰² Reuter, Paul. *Introduction au droit des traités* (Paris, PUF, 1985), pág. 88, párr. 141.

¹⁰³ Rousseau, Charles, op. cit., vol. I, pág. 241.

¹⁰⁴ V. Charpentier, Jean, Engagements unilatéraux et engagements conventionnels: différences et convergences, en: *Theory of international law at the threshold of the 21st century: essays in honour of Krzysztof Skubiszewski* (The Hague/Boston, Kluwer Law International, 1996),

транспозиции венских правил на режим односторонних актов или должным образом изучить эти правила на основе гибкого параллельного подхода.

109. С формальной точки зрения основополагающее различие заключается в том, что конвенционный акт является результатом совместного волеизъявления двух или более субъектов международного права, в то время как односторонний акт представляет собой проявление волеизъявления одного или более государств в индивидуальной, коллективной или совместной форме, в котором не принимают участие другие государства, в частности государство-адресат такого акта. Кроме того, с материально-правовой точки зрения односторонний акт представляет собой акт, который создает правила по отношению к субъектам права, отличным от авторов акта, в то время как конвенционный акт — или договор — рождает правила, применимые к его авторам¹⁰⁵.

110. Правовые последствия, к которым может привести конвенционный акт, отражают волеизъявление сторон, которые принимают участие в его формулировании, и именно по отношению к этому возникают правовые последствия. Как указывает Рейтер, «можно легко понять, что характер конвенционного акта предполагает наличие между двумя соответствующими сторонами определенных обязательств»¹⁰⁶, в то время как характер одностороннего акта налагает такие обязательства на государство-автора и предполагает приобретение прав государством-адресатом или обязательств государствами-адресатами, когда речь идет об актах, посредством которых государство подтверждает свое право или правовую претензию.

111. Различия между обоими актами могут привести к разногласиям в отношении толкования акта, включая также такие аспекты, как продолжительность его действия, аннулирование и изменение, которые должны быть рассмотрены на более позднем этапе, при попытке разработать конкретные правила для каждой категории одностороннего конвенционного акта, поскольку здесь вновь придется изучать этот вопрос углубленно, с тем чтобы определить, возможно ли разработать общие правила для обеих категорий односторонних актов.

112. Последствия конвенционного акта в целом основаны на намерении государства, которое участвует в его формулировании или разработке. С особой ссылкой на односторонние акты суд четко подтвердил при рассмотрении дел о *ядерных испытаниях*, что «в том случае, когда государство-автор заявления намеревается уважать его условия, это намерение придает его заявлению характер правового обязательства, причем соответствующее государство отныне юридически обязано следовать линии поведения, соответствующей его заявлению»¹⁰⁷. Здесь важно уточнить, что конвенционный акт ведет к последствиям и налагает на стороны обязательства с момента его вступления в силу, хотя могут существовать и ранее взятые обязательства, как об этом говорится в Венской конвенции 1969 года¹⁰⁸.

págs. 367 a 380.

¹⁰⁵ Véase Jacque, op. cit., pág. 320.

¹⁰⁶ Reuter, Paul. *Principes de Droit International*, RDCADI, 1961, vol. II, pág. 564.

¹⁰⁷ *C.I.J. Recueil* 1974, pág. 267, párr. 43.

¹⁰⁸ Статья 18 Венской конвенции налагает обязательства на государство-участника договора. В статье конкретно говорится, что:

Односторонний акт, однако, вызывает последствия в момент своего формулирования, т.е. этот акт имеет силу в отношении государства-автора и может быть применен государством-адресатом с данного момента, что не совпадает полностью с его материализацией, что должно рассматриваться отдельно, как это мы увидим далее. Такой двусторонний характер отношений не влияет, как это мы также увидим в должное время, на односторонний характер акта, сформулированного государством с намерением вызвать на правовые последствия по отношению к третьим государствам.

113. Важно отметить, что посредством формулирования одностороннего конвенционного акта государство-автор может брать на себя одностороннее обязательство, что подпадает под первую категорию этих актов. Это также возможно и в случае с конвенционными актами, когда договор, хотя и остающийся формально конвенционным актом, является результатом согласованного или совместного волеизъявления и налагает обязательства только на одного государство-участника, т.е. односторонние обязательства.

114. Как правило, при толковании правового акта ссылка всегда делается на волеизъявление и на подлинную волю государства-автора или государств-авторов. В международном прецедентном праве и доктрине предпочтение, как правило, отдается критерию волеизъявления, хотя одновременно учитывается и подлинная воля одного или нескольких государств-авторов. Венские конвенции 1969 и 1986 годов ссылаются на принцип волеизъявления, но одновременно учитывают и контекст, объект и цель акта, любые последующие соглашения и практику и даже соответствующие нормы международного права, действующие между государством-автором и государством-адресатом; ссылка может быть также сделана и на дополнительные средства толкования, такие, как подготовительные материалы и обстоятельства заключения договора, как это отражено в статьях 31 и 32 вышеуказанных конвенций, что может быть применимо и к односторонним актам.

115. Толкование намерения авторов конвенционного акта является менее сложным, чем в случае с односторонним актом. Фактически, как говорит Сикол, «когда в договоре присутствует разногласие между подлинной волей его участников и текстом договора, это несоответствие вызвано небрежностью со стороны авторов, однако, если, конечно, целью не является обман, стороны знают о своем общем намерении, даже если оно не полностью отражено в тексте; они имеют в своем распоряжении одни и те же средства и возможности более четко выразиться по вопросу, по которому они достигли согласия. Это не относится к односторонним обязательствам. Только субъект, открыто взявший на себя обязательство, знает о своем подлинном намерении»¹⁰⁹.

«Государство обязано воздерживаться от действий, которые лишили бы договор его объекта и цели, если:

- а) оно подписало договор или обменялось документами, образующими договор, под условием ратификации, принятия или утверждения, до тех пор, пока оно не выразит ясно своего намерения стать участником этого договора; или
- б) оно выразило согласие на обязательность для него договора — до вступления договора в силу и при условии, что такое вступление в силу не будет чрезмерно задерживаться».

¹⁰⁹ Sicault, Didier. Du caractère obligatoire des engagements unilatéraux. RGDIP, 1978, pág. 648.

116. Как указывалось выше, целью толкования является определение намерения сторон акта или государства или государств, которые формулируют акт, отдавая приоритет, в надлежащих случаях, терминологии соглашения или заявления. К толкованию такого рода, основанному в первую очередь на терминах и их значении, Суд прибегал в различных случаях, в частности при рассмотрении дела о континентальном шельфе Эгейского моря, в ходе которого Суд тщательно изучил терминологию оговорок, сделанных сторонами при присоединении к Генеральному акту 1928 года. В своем решении Суд рассмотрел вопрос о грамматическом толковании слов «и в частности» (“et notamment”), которые предшествовали ссылке на «споры, касающиеся территориального статуса Греции». Правительство Греции утверждало, что «естественное, обычное и принятое в настоящее время значение этого выражения абсолютно исключает всякую возможность толковать оговорку Греции как распространяющуюся на споры относительно территориального статуса»¹¹⁰. Суд даже тщательно проанализировал запятые, поставленные перед и после слов «и в частности». Важно подчеркнуть, что, по мнению Суда, аргументы грамматического характера были убедительными и решающими. В этой связи в том же постановлении Суд заявил, что «вопрос заключается не только в преобладающем лингвистическом использовании этих слов...», когда «с грамматической точки зрения смысл, придаваемый выражению «в частности», является не единственной сферой использования, хотя и наиболее частой» этого выражения... Придаваемый этому выражению смысл зависит, таким образом, от контекста, в котором эти слова были употреблены».

117. Вместе с тем при толковании текстов Суд не ограничивается грамматическим анализом, что довольно четко подтверждает дело Англо-иранской нефтяной компании. Здесь Суд рассмотрел заявление Ирана, в частности слова «и после ратификации этого заявления», которые следовали сразу же после выражения «договора или конвенции, к которым присоединился Иран». Суд отметил, что он «не может основываться на чисто грамматическом толковании. Он должен попытаться дать такое толкование, которое соответствует естественному и обоснованному прочтению документа»¹¹¹.

118. Что касается конкретно односторонних актов, то здесь важное значение имеет международное процессуальное право, особенно дела, касающиеся ядерных испытаний, военной, полувоенной деятельности и пограничных споров, среди прочего, при рассмотрении которых Суд рассматривал односторонние заявления, сделанные властями государств — участников соответствующего спора.

119. В своем постановлении 27 июня 1986 года по делу о военной и полувоенной деятельности Суд указал, что он не в состоянии «согласиться с мнением о том, что Никарагуа фактически приняла на себя обязательство провести свободные выборы и что это обязательство носит правовой характер. Никарагуанская хунта... планировала проведение свободных выборов в качестве составной части политической программы руководства страной после рекомендации... Организации американских государств. Это было чисто политическое обязательство..., которое Суд не может рассматривать как

¹¹⁰ C.I.J., *Recueil* 1978, pág. 51.

¹¹¹ Ibid., pág. 104. Véase también el caso del Sudoeste africano. C.I.J., *Recueil* 1962, pág. 336; y, el del *Laudo arbitral del 31 de julio de 1989*, C.I.J. *Recueil* 1991, págs. 69 a 70, párr. 48.

имеющий юридическую силу инструмент, с помощью которого Никарагуа взяла на себя обязательство в одностороннем или двустороннем плане»¹¹².

120. При рассмотрении другого одностороннего акта в деле о пограничном споре между Буркина-Фасо и Мали Суд отметил, что «с целью оценить намерения автора одностороннего акта [что может привести к возникновению правового обязательства] следует учитывать все фактические обстоятельства, при которых был сформулирован этот акт». Нет оснований толковать заявление, сделанное главой Государства Мали 11 апреля 1975 года, как односторонний акт, имеющий правовые последствия в отношении настоящего дела¹¹³. Если соответствующие государства могут взять на себя обязательства с помощью обычных средств, таких, как официальное соглашение, то нет никаких причин толковать сделанное одним из них заявление как односторонний акт, вызывающий правовые последствия. Другое дело, когда соответствующими государствами являются все государства мира и любое из них может выразить намерение взять на себя обязательство лишь посредством одностороннего заявления.

121. В других случаях Суд рассматривал односторонние заявления государств, например заявления, касающиеся признания юрисдикции Суда, что имеет большое значение, независимо от того, могут ли они рассматриваться формально как односторонние заявления, сделанные в контексте договорных отношений.

122. При рассмотрении дела об Англо-иранской нефтяной компании, в ходе которого Суд рассмотрел заявление Ирана, следует напомнить, что Соединенное Королевство утверждало, что правила, регулирующие толкование договоров, не применяются к односторонним актам. Суд затем указал, что «можно сказать, что этот принцип в целом должен применяться при толковании текста договора. Однако текст заявления Ирана не является текстом договора, заключенного в результате переговоров между двумя или более государствами. Он является результатом одностороннего акта правительства Ирана, которое, как представляется, проявило определенную осторожность при составлении текста заявления. Также представляется, что оно вставило, *ex abundante cautela*, слова, которые, строго говоря, могут быть поверхностными. Такая осторожность объясняется особыми причинами, которые заставили правительство Ирана составить текст заявления в весьма ограничительной форме»¹¹⁴.

123. Интересно отметить, что правила, заложенные в Венских конвенциях, также применяются при толковании арбитражных решений, таких, как арбитражное решение от 31 июля 1986 года в деле между Сенегалом и Гвинеей-Бисау и решение о делимитации границы в деле, касающемся Лагуна-дель-Десьерто между Чили и Аргентиной. В последнем случае было указано, что «в соответствии с международным правом существуют правила, которые используются для толкования любого правового документа, будь то договор, односторонний акт, арбитражное решение или резолюция международной организации. Таким образом, это общие правила толкования, продиктованные

¹¹² *C.I.J., Recueil 1986*, pág. 132, párr. 261.

¹¹³ *Ibid.*, pág. 574, párr. 40.

¹¹⁴ *C.I.J., Recueil 1952*, pág. 105.

обычным и естественным значением слов, ссылкой на контекст и эффективностью»¹¹⁵.

124. В арбитражном решении по делу «Лаудо» Суд отметил, что, «хотя ни то, ни другое государство не является участником Венской конвенции о праве международных договоров от 29 мая 1969 года., оба вышеуказанных государства не оспаривали факта о том, что статьи 31 и 32 этой Конвенции являются применимыми правилами международного права, регулирующими толкование Конвенции 1886 года. В свете такого согласия между сторонами и практики международных судов относительно применимости положений Конвенции о праве международных договоров в соответствии с международным обычаем, признанным государствами (см., в частности, дела, касающиеся юридических последствий для государств, вызываемых продолжающимся присутствием Южной Африки в Намибии, 1971, р. 47, par. 94; и юрисдикция над рыбными промыслами, CI, Rec. 1973, pp. 18 et 63, par. 36), Суд не смог взять за основу вышеуказанные статьи 31–32»¹¹⁶.

125. Что касается односторонних актов, посредством которых государство берет на себя обязательства, определяющие будущее поведение, то в деле об испытаниях ядерного оружия Международный Суд постановил, что «не все односторонние акты предполагают наличие обязательства; но государство может пожелать занять определенную позицию по отношению к конкретному вопросу с намерением принять обязательство — намерением, которое должно быть подтверждено толкованием акта»¹¹⁷. Однако в деле о пограничном споре между Буркина-Фасо и Мали Палата Суда рассмотрела одностороннее заявление и приняла решение о том, что оно не является односторонним правовым актом. Палата сделала вывод о том, что «нет оснований толковать заявление, сделанное главой Государства Мали 11 апреля 1975 года, как односторонний акт, имеющий правовые последствия по отношению к настоящему делу»¹¹⁸.

126. Прежде чем пытаться установить правила толкования, применимые к односторонним актам, необходимо сделать ссылку на основной критерий, проводящий различие между толкованием односторонних актов и возможным толкованием конвенционных актов. Как было указано выше, последние являются актами, осуществляемыми с конкретной целью, а это означает, что применяются конкретные критерии. Интересы правовой определенности требуют, чтобы основным критерием являлась воля, четко выраженная в тексте, особенно в случае с актами, посредством которых соответствующее государство берет на себя одностороннее обязательство; кроме того, как указывал сам Суд в упомянутом выше деле о ядерных испытаниях, такие акты следует толковать ограничительно.

127. Согласно прецедентному праву и доктрине, нет каких-либо оснований сомневаться в том, что в таком контексте преобладает ограничительный критерий. На самом деле, как однозначно заявил Международный Суд по

¹¹⁵ Sentence arbitrale du 21 octobre 1994, Différend sur le tracé de la ligne frontière entre le Borne 62 et le Mont Fitz Roy (Argentine/Chili), RGDI, 1996, vol. 2, pág. 552.

¹¹⁶ Арбитражный суд, созданный для делимитации морской границы между Гвинеей и Гвинеей-Бисау, решение от 14 февраля 1985 года, RGDI, 1985, tome 89, pág. 503, párr. 41.

¹¹⁷ C.I.J. Recueil, 1974, pág. 267, párr. 44.

¹¹⁸ C.I.J. Recueil 1986, pág. 574, párr. 40.

вышеупомянутому делу Англо-иранской нефтяной компании, «Суд не может основываться на чисто грамматическом толковании: он должен попытаться дать такое толкование, которое соответствует естественному и обоснованному прочтению документа»¹¹⁹. Совсем недавно при рассмотрении дела о юрисдикции над рыбным промыслом (Испания против Канады) Суд указал, что «поскольку заявление, сделанное в соответствии с пунктом 2 статьи 36 Статута, представляет собой составленный в одностороннем порядке документ, Суд не мог не сделать определенный упор на намерении делающего заявление государства»¹²⁰. Переходя от заявлений о признании юрисдикции Суда к другому контексту — заявлениям, которые определяются как сделанные в одностороннем порядке международные обещания, — Суд в своем решении по делу о ядерных испытаниях заявил, что «когда государства делают заявления, которые ограничивают их свободу действий, то здесь вступает в силу ограничительное толкование»¹²¹.

128. Что касается отказа, то здесь, в частности, следует отметить, «что правило презумпции в таком случае являлось бы правилом ограничительного толкования...; в случае, когда возникают сомнения относительно воли осуществить отказ, следует предполагать, что субъект права не желает делать этого»¹²².

129. Правила толкования односторонних актов должны основываться на сводных правилах, изложенных в Венских конвенциях 1969 и 1986 годов, и быть адаптированы, естественно, к конкретным характеристикам односторонних актов. В первую очередь нет оснований сомневаться в том, что общее правило толкования, установленное в вышеуказанной статье 31 Венских конвенций, согласно которой договоры должны толковаться добросовестно, полностью применимо и к односторонним актам.

130. В статье 31, общей для двух Венских конвенций, говорится, что «договор должен толковаться добросовестно в соответствии с обычным значением, которое следует придавать терминам договора». Принцип добросовестности является одним из основополагающих принципов процесса толкования, который «требует приложения усилий для определения того, что конкретно имели в виду стороны»¹²³. На это также указывал Институт международного права в своей Гренадской резолюции от 19 апреля 1956 года.

131. Нет никаких оснований не рассматривать этот основной принцип, применимый к договорным отношениям, в рамках отношений, создаваемых посредством формулирования одностороннего акта. Акт, сформулированный государством в одностороннем порядке, должен толковаться добросовестно, т.е. в соответствии с тем, что государство-автор действительно намеревалось заявить. В задачу толкователя конкретно входит попытка определить намерения сторон или, в данном контексте, государства, которое в одностороннем порядке формулирует акт. Добросовестность и значение терминов в качестве исходной точки представляют собой отправную точку

¹¹⁹ *C.I.J. Recueil 1952*, pág. 104.

¹²⁰ *C.I.J. Recueil 1998*, párr. 48.

¹²¹ *C.I.J. Recueil 1974*, párr. 44.

¹²² Cahier, op. cit., pág. 255.

¹²³ Rousseau, op. cit., pág. 269.

процесса толкования¹²⁴. Если согласиться с вышесказанным, то отсюда логически следует, что обычное значение терминов заявления, сделанного либо в устной, либо в письменной форме, в его контексте и в свете его объекта и цели, следует упоминать в первую очередь, что само по себе вряд ли развеяло бы сомнения относительно желаемой воли и волеизъявления.

132. Это довольно четко прописано в международном прецедентном праве. Так, например, в деле о ядерных испытаниях Суд заявил, что «одним из основных принципов, регулирующих возникновение и реализацию правовых обязательств, независимо от их источника, является принцип добросовестности. Международному сотрудничеству присуще наличие доверия и уверенности друг в друге... Правило *pacta sunt servanda* в договорном праве точно так же основывается на добросовестности, как и обязательный характер международного обязательства, взятого в одностороннем заявлении»¹²⁵.

133. В самом начале мы указывали, что важно определить, могут ли правила, разработанные в отношении толкования, быть общими для всех односторонних актов в значении, представляющем интерес для Комиссии, т.е. актов, посредством которых государство в прямой форме берет на себя в одностороннем порядке обязательство, и актов, посредством которых государство подтверждает право или правовую претензию. Правило добросовестности, несомненно, применимо ко всем категориям односторонних актов.

134. В рамках конвенционных актов, как это хорошо известно и уже упоминалось ранее, толкование включает рассмотрение контекста в свете объекта и цели договора, причем под этим понимается, что контекст состоит из преамбулы и приложений. Кроме того, внимание уделяется «последующим соглашениям между сторонами относительно толкования договора или применения его положений» и «любой последующей практике в ходе применения договора, которая устанавливает согласие сторон относительно его толкования, и любым соответствующим нормам международного права, применимым к отношениям между сторонами», отражая то, что уже было сказано о всеобъемлющей системе, воплощенной в Венских конвенциях.

135. Что касается контекста, то, по всей видимости, нет никаких сомнений в том, что его следует рассматривать во время попытки определения подлинной воли автора одностороннего акта. В вышеупомянутом деле об Англо-иранской нефтяной компании Суд постановил, что «эта клаузула... является... убедительным подтверждением намерения правительства Ирана в то время, когда оно согласилось с обязательной юрисдикцией Суда»¹²⁶.

136. Что касается дела о юрисдикции над рыбными промыслами (Испания против Канады), то Суд также истолковал заявление Канады как согласие с юрисдикцией Суда и указал, что, «заявление о признании обязательной юрисдикции Суда независимо от того, оговорено ли такое признание конкретными ограничениями или нет, представляет собой односторонний акт государственного суверенитета... Суд, таким образом, будет толковать

¹²⁴ *Annuaire de l'Institut de Droit International* (Bath, 1950), vol. 43/I, pág. 433.

¹²⁵ *C.I.J. Recueil* 1976, pág. 268, párr. 46.

¹²⁶ *C.I.J. Recueil* 1952, pág. 107.

соответствующие формулировки заявления... естественным и обоснованным путем с должным учетом намерения соответствующего государства в то время, когда оно давало согласие на обязательную юрисдикцию Суда, [что]... можно вывести не только из текста соответствующей клаузулы, но и из контекста этой клаузулы и анализа доказательств относительно обстоятельств его подготовки и целей, которые оно преследует»¹²⁷.

137. Ситуация меняется, когда объект и цель, используемые в контексте Венской конвенции, переносятся на односторонние акты. По мнению Специального докладчика, нет надобности включать это в контекст толкования односторонних актов, поскольку это связано с терминами, которые конкретно применимы к договорным отношениям. В этой связи важно подчеркнуть намерение государства, которое формулирует данный акт; отсюда толкование следует рассматривать «в свете намерения» этого государства, как это отражено в проекте статьи (а) ниже.

138. Кроме того, встает также вопрос о преамбуле и приложениях, который, несмотря на различие между конвенционным актом и односторонним актом, можно было бы рассматривать как принадлежащий к контексту для целей толкования применительно к односторонним актам.

139. Преамбула представляет собой «предварительную часть договора, которая предшествует его постановляющим положениям и содержит... пояснительное введение, излагающее причины заключения такого договора с указанием объекта и цели договора и, возможно, нескольких дополнительных положений, указание на уполномоченные стороны, которые составили и подписали договор, или некоторые из этих элементов»¹²⁸. Преамбула, в отношении которой написано не так много¹²⁹, является по отношению к договорам «внутренним источником ссылки. Преамбула является главным и естественным источником указаний на объекты и цели договора, даже если преамбула и не содержит существенных положений»¹³⁰.

140. Одностороннее заявление, сделанное устно или в письменном виде, может содержать преамбулу, хотя там и будут некоторые особенности в зависимости от того, как разрабатывался акт, даже если какая-либо ссылка на это на практике отсутствует, особенно если анализировать это через призму прецедентного права. В деле о ядерных испытаниях мы отмечали, что Суд рассматривал заявление французских властей, которое не содержит формальной преамбулы, как это видно из коммюнике, обнародованного правительством Франции в «Официальной газете» от 8 июня 1974 года:

«Канцелярия Президента Республики пользуется данной возможностью, чтобы заявить, что, учитывая этап, достигнутый в осуществлении французской программы ядерной обороны, Франция будет иметь возможность перейти к этапу подземных испытаний, как только будет завершена серия испытаний, запланированная на лето текущего года»¹³¹.

¹²⁷ C.I.J. *Recueil* 1998, párrs. 47 y 49.

¹²⁸ Basdevant, op.cit., pág. 465.

¹²⁹ Véase Eric Suy. Le Préambule, en *Mélanges offerts à M. Bedjaoui*, págs. 255 y ss.

¹³⁰ Особое мнение судьи Веерамантри при рассмотрении дела *об арбитражном решении от 31 июля 1989 года*, citado en Cahier, op.cit.; C.I.J. *Recueil* 1991, pág. 142.

¹³¹ C.I.J. *Recueil* 1974, pág. 265, párr. 34.

Аналогичным образом, следует отметить, что Президент Республики сделал следующее заявление для печати 25 июля 1974 года:

«Что касается вопроса о ядерных испытаниях, то вам известно, что премьер-министр публично выступил в Национальном собрании, представив правительственную программу. Он указал, что Франция будет продолжать ядерные испытания. Я сам четко заявил, что нынешний раунд испытаний в атмосфере будет последним, поэтому члены правительства были полностью информированы о наших намерениях в этой связи...»¹³².

Было бы также полезно процитировать заявление, сделанное министром иностранных дел Франции в Генеральной Ассамблее Организации Объединенных Наций 25 сентября 1974 года, которое было рассмотрено Судом в рамках того же дела и в котором министр указал:

«Сегодня мы достигли такого этапа в развитии нашей ядерной технологии, который дает нам возможность продолжать нашу программу путем проведения подземных испытаний, и мы приняли меры к тому, чтобы начать ее уже в следующем году»¹³³.

Для целей толкования определенные части заявлений, в которых конкретно не описываются действия, которые будут предприняты, т.е. та часть, в которой берутся обязательства, могут рассматриваться в качестве их преамбулы.

141. И хотя верно, что в такого рода заявлениях, как правило, отсутствует конкретная преамбула, нельзя исключать возможность того, что определенная их часть может рассматриваться в качестве преамбулы для целей толкования; аналогичным образом записка, сопровождающая заявление от 1956 года по Суэцкому каналу и направленная представителем Египта Генеральному секретарю Организации Объединенных Наций 24 апреля 1957 года, может быть рассмотрена именно в этом свете. В этом заявлении формально нет преамбулы; тем не менее некоторые формулировки сопроводительной записки могут рассматриваться в качестве преамбулы, в частности заявление о том, что:

«Правительство Египта с удовлетворением сообщает, что в настоящее время Суэцкий канал официально открыт для судоходства и таким образом вновь будет служить связующим звеном между странами нашей планеты на благо мира и процветания».

Кроме того, содержание нижеследующего пункта записки может рассматриваться в качестве преамбулы к заявлению. В нем говорится:

«Правительство Египта хотело бы с признательностью и благодарностью отметить усилия государств и народов мира, которые внесли свой вклад в восстановление канала для обычного судоходства, а также Организации Объединенных Наций, чьи усилия позволили провести расчистку канала в мирных условиях и в короткие сроки».

142. Приложения также являются важнейшей частью одностороннего заявления, хотя это встречается не часто, особенно в односторонних актах, сформулированных устно. Примером включения приложений в односторонние заявления может служить совместное коммюнике, подписанное

¹³² Ibid., pág. 266, párr. 37.

¹³³ Ibid., párr. 39.

правительствами Венесуэлы и Мексики, которое с формальной точки зрения представляет собой односторонний акт и содержит также одностороннее обязательство по отношению к странам Центральной Америки и Карибского бассейна относительно поставок нефти — обязательство, которое было выполнено и о котором было вновь заявлено обоими правительствами. Этот акт содержит приложение, в котором оговариваются условия его реализации. Последующая практика в равной степени важна в плане толкования в целом, будь то конвенционные или односторонние акты¹³⁴. В пунктах 3(a) и (b) в статье 31 Венских конвенций устанавливается два вида правовых фактов, имеющих место после заключения договора: соглашение относительно толкования и последующая практика, которая устанавливает соглашение участников относительно толкования договора. Суд рассматривал последующую практику, как это видно из дела о споре в отношении сухопутных и морских границ и границ между островами¹³⁵.

143. Государство может предпринять определенного вида действия после формулирования одностороннего акта, что может привести к более четкому определению содержания и смысла, которые оно вкладывает в свое одностороннее заявление. Это имело место в случае Венесуэлы и Мексики и привело, как представляется, к последующей практике, анализ которой может помочь определить и прояснить содержание и сферу применения одностороннего обязательства, взятого этими странами по отношению к странам Центральной Америки посредством принятия совместного коммюнике, которое может рассматриваться в качестве одностороннего акта коллективного происхождения.

144. Соглашение о толковании между государством-автором одностороннего акта и его адресатами относительно толкования, по всей видимости, не имеет отношения к такого рода положению в контексте таких актов; однако существует возможность включения в соответствующее положение практику государства после формулирования такого акта.

145. Дополнительные средства толкования, сформулированные в статье 31, общей для Венских конвенций 1969 и 1986 годов, — подготовительные материалы и обстоятельства заключения договора — могут рассматриваться только как вспомогательные меры там, где невозможно установить намерение сторон при толковании значения терминов договора. На самом деле другие средства толкования могут быть использованы лишь «на втором этапе, когда толкователь желает подтвердить результаты толкования или когда его стремление установить смысл на основе приоритетных элементов приводит к результату, который является двусмысленным или явно абсурдным или неразумным»¹³⁶. Важность подготовительных материалов не вызывает никаких сомнений, несмотря на критику в их адрес, особенно в плане «отсутствия однородности, широкого распространения, не поддающегося никакой классификации, и отсутствия дифференциации, что не позволяет провести точной категоризации»¹³⁷, что отражено в международном прецедентном

¹³⁴ Capotorti, Francesco. *Sul valore della prassi applicativa dei trattati secondo la convenzione di Vienna*. Publicación en homenaje a Roberto Ago. vol. I, pág. 197.

¹³⁵ C.I.J. *Recueil* 1992, págs. 585 a 586, párrs. 378 a 380.

¹³⁶ Reuter, Paul. *Introduction aux droit des traités* (op. cit., note 90), párr. 145.

¹³⁷ Canal-Forgues, Eric. *Travaux préparatoires*. RGDI, 1993, pág. 902.

праве, недавним примером чему, в частности, может служить решение Международного Суда по делу о делимитации морской границы между Гвинеей и Гвинеей-Бисау¹³⁸, хотя в данном случае стороны совместно просили Суд прибегнуть к дополнительным средствам, изложенным в статье 32, общей для Венских конвенций 1969 и 1986 годов.

146. Следует подчеркнуть, что использование подготовительных материалов не всегда является обязательным для толкования текста. Суд заявил в этой связи, что Постоянная Палата Международного Правосудия неоднократно указывала, что «нет смысла прибегать к подготовительным материалам, если текст конвенции сам по себе является достаточно ясным»¹³⁹, и это было подтверждено при рассмотрении дела Амбательоса, когда Суд постановил, «что в тех случаях, когда текст, подлежащий толкованию, является достаточно четким..., нет смысла прибегать к подготовительным материалам»¹⁴⁰.

147. Что касается односторонних актов, то довольно сложно вставить положение о применении подготовительных материалов в положение о применении дополнительных средств, поскольку во многих случаях подготовительные материалы трудно определить и в этой связи проанализировать, как это видно из дел, касающихся ядерных испытаний и территориальных споров, где ни Суд, ни Палата не делали никаких ссылок на использование подготовительных материалов. Следует помнить, однако, что подготовительные материалы могут существовать и могут иметься в наличии для целей толкования, хотя, естественно, нет никакой гарантии того, что они могут иметься в наличии в любое время. Подготовительные материалы в контексте односторонних актов могут принимать форму нот и внутренних меморандумов министерств иностранных дел или других государственных органов, которые не всегда легко получить и значение которых не всегда легко поддается определению. Тем не менее, стремясь продемонстрировать свое намерение, государство может прибегнуть к документам, которые, учитывая характерные особенности одностороннего акта, могут рассматриваться в качестве подготовительных материалов, на которые ссылается Венская конвенция 1969 года.

148. Международные суды серьезно относятся к этим документам, которые в контексте односторонних актов могут рассматриваться в качестве подготовительных материалов. Например, в своем решении по делу «Эритрея против Йемена» Арбитражный суд отмечает, что «прежняя заинтересованность в этих островах со стороны Великобритании, Италии и в меньшей степени Франции и Нидерландов представляет собой важный элемент исторических материалов, предоставленных Суду Сторонами. Не в последнюю очередь потому, что они имели доступ к архивным документам того времени, особенно к ранним документам тогдашнего правительства Великобритании ..., некоторые из этих материалов представлены в форме внутренних меморандумов». Тем не менее Суд свел к минимуму важность этих документов, заявив: «Суд учел, что эти внутренние меморандумы не обязательно представляют мнение или политику того или иного правительства

¹³⁸ Pambou-Tchivounda, G. Le droit international de l'interprétation des traités à l'épreuve de la jurisprudence. *Journal de droit international*, tome 113, No. 3, 1986, págs. 627 a 650.

¹³⁹ *C.I.J. Recueil 1948*, pág. 63.

¹⁴⁰ *C.I.J. Recueil 1952*, pág. 45.

и могут быть лишь личным мнением одного гражданского служащего, который счел необходимым выразить другому конкретному гражданскому служащему свое мнение в данный момент; не всегда легко отделить личное от того, что в конечном итоге представляли собой внутренние, частные и конфиденциальные меморандумы в тот период, когда они были написаны»¹⁴¹. Даже если получение таких документов может оказаться сложным, есть возможность рассматривать их значение в каждом конкретном случае, поскольку подобно подготовительным материалам в контексте договоров они, несомненно, полезны при толковании намерения государства. Ссылка на подготовительные материалы в этом контексте должна быть, следовательно, включена в проект статьи, изложенный ниже.

149. Что касается обстоятельств, то здесь ситуация совсем иная, что ясно из рассмотрения решений Суда по двум конкретным делам, иллюстрирующим важное значение обстоятельств при толковании намерения автора в том случае, когда толкование невозможно на основе самого значения слов, используемых в соответствующих заявлениях. В деле о ядерных испытаниях Суд заявил в этой связи, что «правовые последствия одностороннего акта должны вытекать именно из фактической сути этих заявлений, а также из обстоятельств, при которых они были сделаны»¹⁴². Суд пришел к аналогичному решению после изучения заявления, сделанного главой государства Мали в деле о пограничном споре, когда постановил, что «для определения намерений автора одностороннего акта следует принять во внимание все фактические обстоятельства, при которых этот акт был сформулирован... Обстоятельства, связанные с настоящим делом, являются совершенно иными. Здесь ничто не мешало Сторонам согласиться с обязательным характером выводов Посреднической комиссии»¹⁴³.

150. В деле о пограничном споре между Мали и Буркина-Фасо камера Суда постановила со ссылкой на одностороннее заявление правительства Франции, что с учетом конкретных обстоятельств данного дела это правительство «не могло заявить о своем намерении взять на себя обязательство только посредством односторонних заявлений. Трудно понять, каким образом оно могло бы согласиться с условиями достигнутого в ходе переговоров решения с каждым из заявителей, не нанося в то же время ущерба позиции, которую оно защищало в отношении законности своего поведения»¹⁴⁴.

151. Ссылка на обстоятельства в качестве дополнительного средства толкования, как это указывается в статье 32 Венских конвенций, может, естественно, применяться и к положению о толковании односторонних актов.

152. В этой связи возникает вопрос о том, будут ли такие правила применимы к двум категориям обсуждаемых односторонних актов, иными словами, ко всем односторонним актам, или же наоборот, для каждой категории необходимо будет разработать конкретные правила. В этой связи следует учесть тот факт, что при формулировании одностороннего акта независимо от того, является ли

¹⁴¹ Решение Арбитражного суда на первой стадии разбирательства (территориальный суверенитет и рамки спора), Эритрея-Йемен, от 9 октября 1998 года, пункты 94–95, стр. 25–26.

¹⁴² *C.I.J. Recueil 1974*, pág. 269, párr. 51.

¹⁴³ *C.I.J. Recueil 1986*, pág. 574, párr. 40.

¹⁴⁴ *Idem.*

это актом, посредством которого государство берет на себя обязательство, или актом, с помощью которого оно подтверждает право или юридическую претензию, государство выражает свое намерение и проявляет свою волю, что во всех случаях отражает одно и то же намерение и в отношении чего применяются одни и те же правила, определяющие их юридическую силу или отсутствие таковой. Рассмотрение правовых последствий таких актов для разработки различных правил представляется, таким образом, излишним. Разрабатываемые правила толкования могут, таким образом, применяться единообразно и находиться в первой, общей части проекта статей.

В. Проекты статей

153. В свете вышесказанного Специальный докладчик предлагает проект статей (а) и (b), воспроизводимых в нижеследующем пункте. И хотя эти статьи основаны на положениях статей 31 и 32 Венской конвенции о праве международных договоров, они были адаптированы, с тем чтобы отразить особый характер одностороннего акта. Ссылка на «объект и цель» — концепцию, присущую договорному праву, которая неприменима к односторонним актам, — была, таким образом, убрана из пункта 1 статьи (а). Кроме того, в доктрине, прецедентном праве и в ответах правительств подчеркивается, скорее, «субъективный», чем «объективный», характер толкования одностороннего акта и настаивается, что вводимое государством ограничение суверенитета, которое вытекает из такого акта, следует толковать в ограничительном смысле. Именно по этой причине в пункт 1 был введен критерий намерения путем добавления фразы «а также в свете намерения государства-автора». По причине добавления этой фразы в пункт 1 пункт, аналогичный пункту 4 статьи 31 Венской конвенции, не был включен в проект, поскольку он был бы излишним. В статье (b) слова «к обстоятельствам заключения договора» были заменены, *mutatis mutandis*, словами «к обстоятельствам формулирования акта».

154. Таким образом, текст предлагаемого проекта статей (а) и (b) гласит следующее:

Статья (а)

Общее правило толкования

1. Односторонний акт должен толковаться добросовестно в соответствии с обычным значением слов, используемых в заявлении в их контексте, а также в свете намерения государства-автора.
2. Для целей толкования одностороннего акта контекст охватывает, кроме текста, его преамбулу и приложения.
3. Наряду с контекстом должны учитываться любая последующая практика осуществления акта и любая соответствующая норма международного права, применяемая в отношениях между государством-автором или государствами-авторами и государством-адресатом или государствами-адресатами.

Статья (b)

Дополнительные средства толкования

Возможно обращение к дополнительным средствам толкования, в частности к подготовительным материалам и к обстоятельствам формулирования акта, чтобы подтвердить значение, вытекающее из применения статьи (a), или определить значение, когда толкование в соответствии со статьей (a):

- a) оставляет значение двусмысленным или неясным; или
 - b) приводит к результатам, которые являются явно абсурдными или неразумными.
-